

Круглый стол

Перспективы сырьевой экономики

Обсуждение проблемы перспектив сырьевой экономики вышло на обсуждение таких вопросов, как: должны ли мы учиться у более успешных стран, и если да, то до какой степени следует доверять их опыту? Или мы должны идти своим чисто национальным путем? И что означает критическое отношение к перенимаемым моделям? Обсуждались разные виды конкуренции, проблемы нашего технологического базиса. В ходе дискуссии обнаружилось, что одним из ключевых условий развития в долгосрочной перспективе является формирование гражданского общества.

Ключевые слова: сырьевая экономика, заимствование опыта, технологический базис, гражданское общество.

Олег Альбертович Донских. У нас сложилась традиция проведения круглых столов, поскольку с самого начала журнал задумывался не как сборник, в котором что-то публикуется, а как некое ядро, вокруг которого формируется научное сообщество. Круглые столы – как раз хорошая форма, чтобы обсуждать серьезные вопросы. Мы публикуем их во всех трех журналах, которые выпущены: в первом – о том влияет ли наука на формирование общественных идеалов. Грустный круглый стол получился. Во втором мы говорили об искусстве, в третьем у нас обсуждались вопросы, связанные с реформой образования и вот четвертый – экономический. Благодаря энергии Галины Павловны Литвинцевой у нас сейчас много экономических статей, и тем самым мы вышли на необходимость обсуждения ряда экономических проблем. Та тема, которая вынесена во главу угла сегодня, коротко обозначена как «Перспективы сырьевой экономики». Я в данном случае выступаю как обыватель, который живёт в этой стране и которого эти вещи волнуют, но, конечно, не как специалист. Существует важное, с моей точки

зрения, противоречие, последствия которого мне хотелось бы уяснить. У нас говорят об инновационной экономике, но при этом мы как-то всё время уходим в другую сторону, т.е. вместо развития высоких технологий мы упорно расширяем продажу сырья. Особенно грустно это выглядело, когда я участвовал в семинаре в Индии. Там обсуждались политические, социальные и экономические проблемы Евразийского континента, и было предельно грустно видеть, как Россия выглядит со стороны. Особенно когда обсуждалась стратегия России по превращению ее в сырьевой придаток Китая и подписание Путиным соответствующих документов.

Присутствующим здесь экспертам был предварительно разослан текст, в котором поднимаются проблемы, выносимые сегодня на обсуждение. Этот текст был предоставлен Олегом Глебовичем Сосуновым. В качестве введения в проблему, как она видится не профессионалам, а просто интеллигентным людям, не равнодушным к тому, что происходит в нашей стране, приводим этот текст в сокращенном виде.

Закономерность

Тот факт, что страны с высоким уровнем жизни (США, Япония, другие страны Семерки), или развивающиеся (Китай и пр.) не экспортируют нефть, газ, уголь, электроэнергию, а сжигают их на своей территории, косвенно свидетельствует, что стоимость создается при сжигании (потреблении) нефтепродуктов, газа, угля, ядерного топлива, гидроэлектроэнергии.

Теоретического обоснования данной закономерности в экономических теориях нет, и найти его, оставаясь в рамках методологии экономической науки, невозможно. В то же время не сложно сформулировать такое теоретическое обоснование, опираясь на законы термодинамики, поскольку законы термодинамики не зависят от веществ и видов взаимодействия, и ограничений на их использование до настоящего времени не обнаружено.

Выводы

Приняв эту закономерность как постулат, приходим к выводу: для обеспечения благосостояния страны необходимо, чтобы уголь, газ, нефтепродукты, ядерное топливо, гидроэнергия сжигались (потреблялись) на территории этой страны.

То есть для населения страны, владеющей энергоресурсами, выгоднее сжигать их на своей территории, чем экспортировать.

Соблюдению данного принципа внешней политики, казалось бы, не противоречит ситуация, когда страна, на территории которой расположены месторождения угля, нефти, газа, экспортирует добытые сверх нормы внутреннего потребления энергоносители, с целью получения дополнительной выгоды.

Однако, впечатление, что такая политика выгодна, — иллюзия. Логика свободной энергии доказывает обратное.

Экспортировать энергоносители не выгодно ни при каких обстоятельствах. Поставляемые на экспорт энергоносители будут сжигаться, и добавлять стоимость (капитал) за пределами страны-экспортера, за счет чего относительная доля страны-экспортера в добавленной мировой стоимости и в валовом мировом продукте будет сокращаться.

Как следствие, будет увеличиваться доля импорта в страну-экспортер, за счет чего в стране-экспортере будет происходить сокращение объемов производства в перерабатывающих и производящих готовую продукцию отраслях.

Последнее обстоятельство приведет к сокращению доли внутреннего потребления энергоносителей, что, в свою очередь, вынудит сырьевые отрасли переключиться на экспорт.

В этих условиях, чтобы сохранить объем производства и уровень жизни общества, страна-экспортер вынуждена будет компенсировать сокращение объемов производства, дополнительно наращивая объемы добычи и экспорта энергоносителей.

При этом компенсировать придется не только абсолютное сокращение в перерабатывающих и производящих отраслях, но и относительно низкую рентабельность добывающих отраслей, что потребует еще большего наращивания объемов экспорта энергоносителей и т. д.

Это абсолютный эффект, вызываемый экспортом энергоносителей. Но существует еще относительный эффект, значение которого для России сегодня еще более ощутимо — рост цен на энергоносители.

При росте цен на энергоносители внутреннее их потребление сокращается ускоренно, и также ускоренно растет стоимость

валового внешнего продукта, а следовательно, и стоимость импорта. В результате производство, а вместе с ним и благосостояние деградируют ускоренными темпами.

Из всего сказанного следует принципиальный вывод – экспорт энергоносителей невыгоден, ни при каких обстоятельствах.

Принцип запрета на экспорт энергоносителей должен быть руководящим для государства, которое заботится о благосостоянии своих граждан.

Другой вывод из приведенной выше логики: чем больше объем потребляемых энергоносителей из расчета на члена общества, тем больше удельный вес производящих готовую продукцию высокорентабельных отраслей, тем выше рентабельность производства в целом по стране.

Этот вывод расставляет по местам причину и следствие и говорит о том, что невозможно обеспечить развитие высокотехнологичных (высокорентабельных) отраслей, таких как электронная промышленность, автомобилестроение, авиастроение и пр., осуществляя политику экспорта энергоносителей.

На фоне экспорта энергоносителей и падения их внутреннего потребления наивными выглядят планы правительства, рассчитывающего обеспечить протекцию собственной продукции (автомобили, электроника, химпродукция, продукты питания и т. д.) даже на внутреннем рынке, и через это реанимировать производство. Как подчеркнуто выше, это попытка воздействовать на следствие, чтобы изменить причину. Пока причина – экспорт энергоносителей, вызвавший сокращение внутреннего производства, не будет ликвидирована, подобные планы обречены на провал.

Еще один вывод: в зависимости от состояния, в котором находится страна, одни и те же, казалось бы, правильные ре-

шения могут дать противоположный эффект.

Так, создание в стране, добывающей и экспортирующей энергоносители, благоприятного инвестиционного климата в добывающих отраслях только ухудшит состояние экономики. Обеспечение заказом нескольких десятков предприятий оставит тысячи, а одновременно с созданием нескольких тысяч рабочих мест в добывающих отраслях армию безработных пополнят миллионы. Именно таков итог открытости и создания благоприятного инвестиционного климата в нефте-, газодобывающем секторе экономики России в ее нынешнем состоянии. В результате подобной политики утрачивается контроль над единственным источником доходной части бюджета, укрепляется роль страны как сырьевого придатка, а проживающее на ее территории население становится никому не нужным.

Инфляция

Тот факт, что стоимость создается при сжигании энергоносителей, объясняет механизм инфляции. Если мы знаем, сколько доставляемой энергоносителями энергии необходимо затратить, чтобы создать единицу стоимости, а это легко вычисляется, и знаем объем потребляемых энергоносителей, мы можем рассчитать соответствующее объему потребляемых энергоносителей количество денежной массы в обращении.

Если денежная масса в обращении остается постоянным, а поток энергоносителей, потребляемых системой, сокращается; если денежная масса в обращении, из расчета на единицу потребляемых энергоносителей, увеличивается, соответственно растут цены в денежном выражении, в чем и состоит природа инфляции.

Примечательно, что инфляция может наблюдаться и при росте потребления энергоносителей. Все зависит от отношения скорости увеличения денежной массы в обороте к скорости роста потребления энергоносителей. Если это отношение больше единицы, налицо инфляция, если меньше единицы – стагнация. Из чего следует, что стагнация может быть искусственно создана даже при снижении объема потребления энергоносителей, например, для создания видимости благополучия.

Из приведенной выше логики видно, что сам по себе факт инфляции не так важен, как не важно, в каких единицах измерять расстояние – в сантиметрах или в метрах. Важно не допустить причины инфляции – сокращения объема сжигаемых в системе энергоносителей.

Также с помощью логики, основанной на факте, что стоимость создается при сжигании энергоносителей, легко понять и объяснить другие негативные явления: дефицит бюджета, рост прямых налогов, кризис платежей, рост государственного долга, отток капитала из России, рост теневой экономики и преступности, обострение национальных, религиозных и социальных противоречий и т. п.

Очевидно, не сулит ничего хорошего для России рост мировых цен на нефть и газ и стабилизация их на высоком уровне. Это также ведет к сокращению внутреннего потребления энергоносителей и инфляции.

Мнимые исключения из правил

Бесспорным подтверждением принципа – стоимость создается при сжигании энергоносителей является упомянутый выше факт, что ни одна из высокоразвитых стран не экспортирует энергоносители.

Правильнее было бы сказать, что эти страны потому и достигли высокого уровня развития, что не экспортируют, а импортируют энергоносители. Если же любая из высокоразвитых стран, располагающая собственными источниками энергоносителей, начнет их экспортировать, ее экономика начнет разрушаться, уровень жизни в этой стране будет падать.

В качестве контраргумента можно было бы привести такие примеры, как Саудовская Аравия, Кувейт, Арабские Эмираты, которые, казалось бы, опровергают этот внешнеэкономический принцип, поскольку их благосостояние уживается с политикой наращивания экспорта нефти.

Однако эти страны – не исключение из правил.

Достигнув большого объема экспорта нефти, при низкой ее себестоимости, экспортер, чтобы сохранить определенный уровень жизни, вынужден наращивать экспорт энергоносителей быстрее, чем растет среднее по миру потребление энергоносителей, во столько же раз, во сколько рентабельность его нефтедобычи ниже, чем средняя рентабельность мирового производства. А так как рентабельность производства закономерно увеличивается по мере продвижения от добывающих к обрабатывающим и, далее, к производящим готовую продукцию отраслям, обеспечить необходимое опережение темпов экспорта над средними темпами мирового потребления нефти возможно только при наращивании добычи дешевой нефти. Чтобы при этом достичь высокого уровня жизни, необходимо изначально иметь относительно (объема добычи нефти) низкую численность населения.

Такие исключительные условия маловероятны, и достались немногим: Саудовской Аравии, Кувейту, Арабским Эмиратам. Мек-

сика, Венесуэла, Нигерия, Индонезия тоже экспортеры нефти, но этого недостаточно, чтобы обеспечить большинству населения достойный уровень жизни. Численность населения некоторых из этих стран по отношению к объемам добычи нефти слишком велика. Кроме того, удачливому экспортеру необходимо все время помнить о конкурентах и любыми дозволенными и недозволенными способами устранять их с нефтяного рынка. Сегодня жертвой таких интриг и провокаций является Ирак, но нельзя поручиться, что завтра такая участь не постигнет Саудовскую Аравию.

Положение любого удачливого экспортера нефти (газа) может быстро измениться в результате изменения политики основных потребителей нефти: США, Европы, Японии и Китая по отношению к другим потенциальным экспортерам, например Ираку.

Таким образом, независимо ни от чего, ни от возможности неограниченно наращивать добычу дешевой нефти, ни от отсутствия конкурентов, ни от наличия развитого промышленного сектора конечная участь страны-экспортера энергоносителей закономерна – деградация экономики, сокращение объемов ВВП, национального дохода, снижение уровня жизни. Не составляют исключение Норвегия, Великобритания и Канада.

О.А. Донских. Итак, я очень благодарен тем, кто пришёл сегодня, это очень ценно и очень важно для журнала и вообще, я думаю. А теперь для дальнейшего ведения круглого стола я передаю слово профессиональному экономисту, доктору, профессору Галине Павловне Литвинцевой.

Г.П. Литвинцева.

Уважаемые коллеги, большое спасибо! У нас здесь сегодня присутствуют предста-

вители академической науки: д.э.н. Сулов Никита Иванович, заведующий отделом анализа и прогнозирования развития отраслевых систем и заведующий сектором анализа взаимосвязей энергетических производств Института экономики и организации производства СО РАН. Рядом сидит к.э.н. Шмат Владимир Витальевич, из другого сектора института – экономических проблем развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Крюков Валерий Анатольевич, заведующий сектором, к сожалению, не смог принять участие в сегодняшнем круглом столе. Далее, у нас присутствует д.э.н., профессор Гирш Ицьякович Ханин – профессор НГТУ и СибАГС. Вот подошёл как раз Рифат Ахмедович Гусейнов, д.э.н., профессор кафедры общей экономической теории НГАСУ. Ну, Сергея Георгиевича Золотаренко, д.э.н., проректора НГУЭУ по научной работе, члена редколлегии, наверное, представлять не надо. Также присутствует Олег Глебович Сосунов. Я знаю, что Вы не экономист, но я не знаю – кто по профессии.

Олег Глебович Сосунов. Геофизик.

Г.П. Литвинцева. Хорошо. Ну и конечно молодёжь, которая идет за своими учителями из ИЭОПП СО РАН, из вузов. Два преподавателя с нашей кафедры, кафедры экономической теории НГТУ – доценты, кандидаты экономических наук. В.А. Крюков был руководителем диссертаций Екатерины Валерьевны Малышевой и Бозо Натальи Владимировны. Кстати, Шмат Владимир Витальевич также курировал обе эти работы. Присутствующих здесь неэкономистов, я думаю, Олег Альбертович представит по ходу.

Члены редколлегии разослали всем пять вопросов, которые собственно касаются

трёх направлений: сущности, функционирования, роли, структуры энергосырьевого сектора и энергосырьевой экономики в России на современном этапе, т.е. до кризиса, между кризисами и во время последнего кризиса. Второе направление связано с экономическим развитием и экономическим ростом: как влияет нефтегазовый сектор и вообще сырьевая экономика на макроэкономические параметры России и как это может быть связано с экономическим развитием. Третье направление касается проблемы: противоречит или не противоречит развитие сырьевой экономики заявленному переходу на инновационный путь развития в краткосрочном и долгосрочном плане. Ну, и есть специфические вопросы, например: почему арабы живут лучше? Я, например, точно не знаю, почему.

Владимир Витальевич Шмат. Минуточку! Какие арабы? Кувейтские арабы? Арабы разные.

Никита Иванович Суслов. Конечно, кувейтские, эмиратские. «Нефтяные» арабы, одним словом.

Г.П. Литвинцева. Поэтому давайте начнем с общего какого-то выступления. Можно выступать по всем пяти вопросам, можно выступать по какому-то одному или части вопросов. Первое слово предоставляю Сулову Никите Ивановичу.

Н.И. Суслов. Поставленные вопросы интересны не только для жителей России, где, как известно, много природных ресурсов. Они вообще широко обсуждаются в мировом сообществе – и учеными, и людьми бизнеса, привлекают внимание и широкой общественности. Я не так давно

участвовал в конференции всемирной организации Global Development Network, (в русском переводе – Глобальная сеть развития), финансируемой авторитетными международными структурами, а также правительствами отдельных стран и считающей своей миссией поддержку использования знаний, создаваемых наукой, при формировании политических и практических решений. Ежегодная конференция, на этот раз посвященная природным ресурсам, проходила в Кувейте, как раз там, где живут богатые арабы. У меня осталось много ярких впечатлений от этого форума, что, впрочем, есть отдельная тема. Главное, чем я был удивлен – это весьма неожиданные акценты. Можно было ожидать, что на такой конференции, посвященной проблемам натуральных ресурсов, будут обсуждаться вопросы скорее технического и/или экологического характера: какие и где в мире есть запасы, как их лучше использовать, какие есть новые технологии поиска, добычи и переработки? Но конференция прошла под другим лозунгом: в чем взаимосвязь между обладанием природными ресурсами и политическими институтами? Говоря «политические институты», впрочем, выступающие, как правило, имели в виду и экономические институты тоже. В центре внимания все время оказывалась достаточно интересная и болезненная проблема, получившая известность в мире под названием «ресурсного проклятья». Что имеется в виду? Конечно, не то, что кто-то кого-то «проклял», хотя один из создателей ОПЕК, Альфонсо Перес, и назвал нефть «эскрементами дьявола, которые приносят беду», подчеркивая, что обладание большими ресурсами нефти вовсе не есть залог экономического успеха. Когда столь образно и эмоционально говорят «ресурс-

ное проклятие», имеют в виду достаточно сухую научную реалию – некую статистическую закономерность. Очень часто та страна, на территории которой находят концентрированные запасы высоколиквидных (т.е. пользующихся спросом на мировых рынках) природных ресурсов – газа, нефти или, может быть, чего-то другого, имеющего ценность, через какое-то время в этой стране начинают снижаться темпы экономического развития. Если мы сравним страны мира по производимому душевому доходу и степени богатства природными ресурсами, то мы увидим, что между этими показателями имеется значимая, негативная статистическая, я подчеркиваю – статистическая, зависимость. Другой вопрос – как ее объяснить, что стоит за этой зависимостью, которая наводит на мысль, что большие запасы нефти и газа не приносят счастья. Есть только один позитивный пример за послевоенный период, когда страна действительно разбогатела, обширные запасы углеводородов – это Норвегия.

В.В. Шмат. Еще Аляска и Канада.

Н.И. Суслов. Что же такое происходит, что стоит за этой негативной статистической зависимостью? Создается впечатление, что когда к людям попадает богатство, они его не могут поделить – так ли это? Есть три гипотезы, которые помогают объяснить, почему наличие больших запасов высоколиквидных природных ресурсов могут негативно сказываться на экономическом развитии. Первое объяснение, мне кажется, наиболее близкое к тому, что происходит на самом деле – это институциональная гипотеза: большие запасы природных ресурсов подавляют институциональное развитие, что в конце концов сказывается и на темпах роста

экономики. Я уверен, в нашей аудитории не надо объяснять, что такое институты. Если очень коротко, то это те нормы поведения, которых люди фактически придерживаются при взаимодействии друг с другом. Они включают законодательно устанавливаемые правила, но далеко не только, а также и обычаи, и неформальные стереотипы поведения. Есть понятие «хороших» институтов, помогающих развитию и «плохих», которые тормозят развитие. Так вот, данная гипотеза предполагает, что наличие обширных высоколиквидных ресурсов в стране ухудшает институциональную среду. Это может происходить, например, через формирование, используя терминологию Мансура Олсона, различных групп специальных интересов, которые начинают борьбу за захват доходов, приносимых эксплуатацией этих ресурсов. Они могут лоббировать законы, облегчающие извлечение ренты, в ущерб интересам всего общества. В качестве таких лобби могут выступать уже сформированные компании, бюрократические структуры, силовые министерства. Тут важно понимать, что такие группы могут быть заинтересованы в торможении процесса укрепления прав собственности, поскольку сами себя они защитить всегда могут, а беззаконие помогает произволу. Наиболее наглядный пример, как мне кажется, это Нигерия, которая по африканским меркам была достаточно развитой страной. Но практически с того времени, как нашли нефть, она не развивалась: душевой доход Нигерии в 2006 г. лишь только сравнялся с доходом в 1980 г.

Вторая гипотеза – это гипотеза человеческого капитала. Согласно этой гипотезе, когда в стране находят обширные запасы высоколиквидных ресурсов, система образования может быть переориентирована на подготовку специалистов по добыче указан-

ных ресурсов в ущерб другим сферам экономики. Если добывать ресурсы – проще, чем их перерабатывать и проще, чем производить другие продукты, то может происходить постепенная деградация в степени квалификации рабочей силы в целом, что также сказывается на развитии. Правда, под вопросом остается, действительно ли добыча, например углеводородов, сфера с меньшим технологическим уровнем по сравнению с другими видами экономической деятельности? Тем не менее такая гипотеза достаточно популярна и имеет определенную эмпирическую поддержку.

Ну и, наконец, третья гипотеза – это «голландская болезнь», когда ввиду большого притока иностранной валюты в экономику национальная денежная единица начинает укрепляться свыше некоего критического уровня. При этом доля экспортного сектора увеличивается за счет других сфер экономики, в нашем случае – отраслей переработки и структура производства утяжеляется и упрощается, конкурентоспособность товаров и услуг на международной арене снижается.

Я думаю, что к России можно применить любое из этих объяснений, которые не исключают друг друга, понимая, что имеются доводы и за, и против каждого из них. Мне, повторяю, более всего импонирует первая – институциональная – гипотеза, наименее же вероятной представляется вторая из них.

Теперь вопрос: какая экономика является сырьевой? Я думаю, сырьевая экономика – это такая экономика, которая использует свое конкурентное преимущество, заключающееся в обладании сырьевыми ресурсами, имеющими спрос на мировых рынках, т.е. в других странах. Хорошо это или плохо быть сырьевой экономикой? Ну, если отнести

к этому с умом, то ничего плохого в этом нет. Существует такая теория – теория прогрессирующего экспортёра, предложенная М. А. Портным, заведующим отделом Института США Канады РАН. Она предполагает, что эффективно развивающиеся страны последовательно повышают технологический уровень отраслей своей специализации в международном разделении труда. Как правило, успешное развитие начинается с чего-то простого – с добычи, с текстильного производства, с сельского хозяйства. Продукция продается, а выручка вкладывается в развитие следующего передела той же продукции и тем самым страна занимает более высокую нишу в системе мирового производства и торговли. Затем процесс повторяется и экономика поднимается еще на уровень, и так далее вплоть до того момента, когда страна становится поставщиком финансовых услуг. Этот путь прогрессирующего экспортёра прошли многие успешные страны, например, Соединенные Штаты, а затем Япония, после Второй мировой войны – некоторые Европейские страны пусть и не по полной схеме. Такой путь, который может быть пройден за одно поколение, обеспечивается не только сильными институтами развития, но и взвешенной политикой государства, которое вовремя диагностирует «симптомы голландской болезни» и проводит «лечебные процедуры».

Справедлив ли тезис, что наши беды от нашего богатства? Мне кажется, я уже ответил на этот вопрос.

О.Г. Сосунов. А может, все причины, изложенные в теориях: и появление лобби, коррумпированной в экономики, и девальвация человеческого капитала, упрощение структуры производства являются следствием какой-то другой, более глубокой причины?

Н.И. Суслов. На мой взгляд, слово «институциональное развитие» здесь всё-таки ключевое. Законодательство само по себе может быть несбалансированным, противоречивым, что уже характеризует институты как слабые. Но часто возникают ситуации, когда имеющиеся законы работают не так, как они задуманы и не так, как они работают в экономиках, откуда были заимствованы. Это значит, они «мутировали» под воздействием системы национальных институтов, которые уже к тому времени сложились, и стали выполнять совсем другие функции, чем должны бы были. Например, институт народовластия, парламент, который есть орган законотворчества. Реально в России это во многом – институт лоббирования интересов. И, как многие считают, весьма коррумпированный.

Рифат Ахмедович Гуссейнов. Парламент – не место для дискуссий!

Н.И. Суслов. Конечно, это имеет место и на Западе, но все же не в такой степени. Другой пример – институт банкротства.

– Это чтобы набить карманы!

Н.И. Суслов. Вообще-то он задуман, чтобы санировать экономику, высвободить неэффективно используемые ресурсы. Но у нас законодательство о банкротстве долгое время служило инструментом рейдерского перераспределения собственности. Есть и другие примеры, когда институты работают не так, как они задуманы.

Сергей Георгиевич Золотаренко. Вот Вы говорите про институционализм, про причины – это применительно к российской экономике. А если взять нашу прошлую

жизнь, советскую экономику? Там, вероятно институты были достаточно сильные?

Н.И. Суслов. Видите ли, сама экономика СССР характеризуется как административно-командная система.

С.Г. Золотаренко. Ну, и тут вторая теория – богатство.

Н.И. Суслов. Могу сказать: Советский Союз был богатой страной, но люди в ней были бедные.

На мой взгляд, Советский Союз прекратил существование вполне закономерно: вне рынка сложная современная производственная структура, сложная экономическая система вообще не могут существовать. Для ее функционирования и развития необходимы институты саморегулирования. Если этого нет, а вся информация проходит через единый центр экономического управления, то происходит информационная смерть центра.

О.Г. Сосунов. Это субъективная причина. Объективная причина – это то, что наращивался экспорт нефти, газа.

Н.И. Суслов. Не могу согласиться. Я думаю, что главное здесь то, что система становится неуправляемой. Как говорят экономисты, растут транзакционные издержки. И система гибнет под тяжестью этих издержек, большая часть из которых есть следствие оппортунистического поведения социалистических предприятий и вообще производственных структур. В отсутствие реального контроля (что, повторяю, возникает закономерно) предприятия перестают выполнять возложенные на них функции. Именно поэтому произошел крах экономики Советского Союза.

О.Г. Сосунов. У меня простой тезис. Достаточно простой и вытекающий из физических законов, из термодинамики, что стоимость создаётся там, где сжигаются энергоносители. Если этот тезис принять, то легко объясняются все причины. И объясняется, почему экономика страны, которая экспортирует нефть, обречена на деградацию. Я исходил из простых соображений. Каждый автомобилист знает, что чтобы проехать, надо сжечь в двигателе бензин. То есть работа совершается тогда, когда сжигаются энергоносители. И в общем-то здесь и Маркс был прав.

Гирш Ицкович Ханин. Я читал статью Сосунова. Вот термодинамика, о которой он много рассказывает. Я в силу своей тупости не понял, какое она отношение имеет к рассматриваемой им и нами основной теме... А дальше у него есть ясная экономическая мысль. Почему, бы её не обсудить? Вот если мы вывозим нефть и другие сырьевые ресурсы, то у нас эти сырьевые ресурсы не используются для ряда отечественных производств. Вот так я воспринимаю эту теорию. Поэтому, если мы хотим разрушить нашу экономику, надо экспортировать как можно больше. Если мы не хотим разрушить, надо оставлять эти ресурсы для обрабатывающей промышленности. Пусть она делает хорошие изделия, продаёт их, вместо того, чтобы гнать нефть и руду – делать прекрасные машины.

О.Г. Сосунов. Правильно! Я могу считать буквально две строчки? Экспортировать энергоносители не выгодно ни при каких обстоятельствах. Поставляемые на экспорт энергоносители сжигаются и добавляют стоимость за пределами страны-экспортёра, за счёт чего относитель-

ная доля страны-экспортёра в добавленной мировой стоимости и валовом мировом продукте будет сокращаться. Как следствие, будет увеличиваться доля импорта у страны-экспортёра, за счёт чего у страны-экспортёра будет сокращаться доля собственного производства в перерабатывающих и производящих готовую продукцию отраслях. Последнее обстоятельство приведет к сокращению внутреннего потребления энергоносителей, что в свою очередь вынудит сырьевые отрасли переключиться на экспорт. Таким образом, чтобы в этих условиях сохранить объем производства и уровень жизни общества, страна-экспортер вынуждена будет компенсировать падение в перерабатывающих и производящих отраслях дополнительным наращиванием экспорта энергоносителей.

О.А. Донских. В общем, идея понятна. Пожалуйста, Гирш Ицкович.

Г.И. Ханин. Вы знаете, я могу откликнуться на то, что Сосунов сказал, и у меня есть собственное понимание этих процессов. Мне кажется, может быть, я плохой человек – есть очень простые вопросы и если мы их не будем обсуждать, мы ни к чему хорошему не придём. А простой вопрос заключается в следующем. Действительно, страна десятилетиями, а если взять царскую Россию, то и столетиями, в основном специализировалась на выпуске сырья. Сначала это была пушнина, потом это был лес, потом нефть, потом газ мы открыли. Но это не есть чья-то злая воля или глупость, как думается. Конечно, это сырьевое проклятье и так далее. Но вот так случилось, что России повезло. Может быть плохо, что ей повезло. Другого места нет, в России мы живем. Дело в том, что **ТОЛЬКО ЭТО**

у нас рентабельно. Всё остальное, может быть, кроме автомата Калашникова, ракет и т.д., просто нерентабельно. Если бы мы взяли настоящую статистику, то мы обнаружили бы, что рентабельна у нас только газовая промышленность, нефтяная промышленность, пищевая промышленность, а всё остальное в реальной экономике нерентабельно. Значит, здесь выбора нет. Почему нерентабельно остальное? Значит, наверно потому, что мы не очень умные. В этом надо разобраться. Поэтому позвольте на этом закончить. Со многим из того, о чем говорил Никита Иванович, я согласен, но это настолько избито, столько раз сказано, что очень скучно обсуждать ещё в десятый раз. Мы потому сырьевая экономика, что ничего другого мы не умеем. А почему не умеем – об этом я хочу поговорить. У нас какой регламент?

Р.А. Гусейнов. Какой регламент? У нас свободная дискуссия в свободной стране. Сейчас свободно поговорим и так и разойдемся свободно.

Г.И. Ханин. Безальтернативность модернизации, в смысле обновления в экономике, она хорошо показана в литературе, поэтому здесь нет даже темы для обсуждения. Проблема в том, что успешная модернизация в России была только дважды. При Петре I и Сталине. Но после их смерти эта модернизация затухала, оказалась непрочной. Теперь нам предлагают третью модернизацию, но без насилия и жесткости. Насколько это возможно? Такие попытки у нас уже были раньше. Я понимаю, нехорошо, когда насилие, хорошо бы гуманно, мягко, никого не обижая. Во второй половине 17 века, во второй половине 18 века, во второй половине 19 века, период НЭПа,

в годы перестройки, 20 лет после этого все говорили: «Давайте будем модернизироваться, не будем сидеть на сырьевой игле, слезем: пушная, лесная, нефтяная и так далее. Зерновая, совершенно верно.

Н.И. Суслов. Гирш Ицкович, вопрос уточняющий. В начале прошлого века была модернизация?

Г.И. Ханин. Она была очень ограниченной. Очень ограниченная, непрочная, слабая. Темпы роста были в среднем по всему миру. Доля России, несмотря на какие-то легенды, что она была очень высокой, доля России в 1913 году в мировой экономике была почти такая же, как в 1870 году. Посмотрите Мэдисона, у него есть эти сведения. Единственное, когда был рывок, это, повторяю, при Сталине и при Петре. Проблема в том, что наше общество антиновационно, в основном, в целом. Исключения редки. Это замечательно показано в статье Фомина, во втором, третьем номере журнала ЭКО за этот год, применительно к советскому обществу. Но так же было и век назад, и два века назад, и три века назад. Ну не хотело общество модернизироваться! Когда находился какой-то царь, он брал наше общество за шиворот и тащил его в модернизацию. Оно сопротивлялось, поэтому царь казнил одного, другого, десятого, потом это всё затухало.

Что касается современного общества, то мы имеем четыре уродика. Первый уродик – это государство, это государство некомпетентное, коррупционное. Второй уродик – это общество, апатичное, и я вообще думаю, что это миф о том, что у нас есть общество. Третий уродик – это наш бизнес, но он лучше еще по сравнению с двумя предыдущими. Четвертый уродик – это наша

экономическая наука. Ну и много других... Высшее образование – безусловно, уродик. Что же можно сделать с этими уродиками? Вот когда-то был такой замечательный мыслитель, Юрий Буртин. Когда его спросили, что мешает перестройке, он сказал – всё, решительно всё. Значит, что мешает модернизации? Всё, решительно всё.

Конечно приятно, что наш президент гуманного, очень гуманную модернизацию... это очень приятно. Но у нас уже три с половиной века это пытались осуществить, и тоже были неглупые люди. Не получалось. Почему мы должны думать, что сейчас получится то, что не получилось раньше? Какие-то новые придумали методы? Покажите. Эти слова о том, что нужно право, правовое государство, судебную систему реформировать – это пустые слова. Кто ж её будет реформировать? Юристы! Которые еще хуже, чем экономисты. Им навывадали дипломов, молодым, конечно, старые не годятся, а теперь им скажут: да-вайте, делайте правовое государство. Что они будут делать?

Значит, если серьезно говорить о модернизации, выходе из сырьевой экономики, то, конечно, здесь в первую очередь есть материальные проблемы. У нас низкая доля вложений в физический и человеческий капитал. Для того, чтобы сделать конкурентоспособную обрабатывающую промышленность, в неё нужно вложить колоссальные средства. Нужно найти квалифицированных людей. Нужно научиться управлять этими предприятиями. Этого до сих пор не умели. По крайней мере, в советское время ещё были предприятия, которые были относительно хорошо вооруженными. Это военно-промышленный комплекс. И конечно, квалифицированных людей нужно готовить. Это вложения в физический, в

человеческий капитал. Сейчас они 22 %, а нужно 66 % от ВВП. Значит, в три раза. Понятно, что если вы увеличиваете одну долю ВВП, то вы уменьшаете другую долю. Другая доля ВВП – это потребление населения, личное потребление. Значит, его нужно сократить примерно в два раза, чтобы привести к этому значению.

Г.П. Литвинцева. И ещё есть чистый экспорт, Гирш Ицкович, который как раз намного быстрее развивался и тоже захватывал ту долю валового накопления, которая, казалось бы, туда должна быть направляема, на валовое накопление.

Г.И. Ханин. Да, это правда. Чистый экспорт действительно надо было бы уменьшить. Хорошо было бы. Если б мы нашли способ.

Но это всё требует огромных жертв. И мы опять возвращаемся к тому, что мы не можем сказать правду... И если вы не говорите населению, что от него потребуются жертвы, то вы обманываете. Ни один из наших руководителей этого не говорит. Он говорит, всё будет хорошо, дорогие товарищи, завтра еще лучше, чем сегодня. Этого не может быть.

О.Г. Сосунов. Может быть, если причиной деградации перерабатывающих отраслей, производящих готовую продукцию, а в первую очередь – науки и образования, является экспорт, может прекратить экспорт?

Г.И. Ханин. Представим, что с 1 января 2011 года прекращаем экспорт всех сырьевых товаров. Сейчас я вам расскажу, что из этого получится. У нас 50 процентов продовольствия нет. В магазине, если вы посмотрите, то чайники действительно все импортные. Машины, оборудование – на

80 % импорт. Эта страна рухнет. Да и потом, куда мы будем девать нефть? Кто её будет перерабатывать? Вот нефть, вы говорите. Где, давайте посмотрим, где потребляют нефть. Нефтеперерабатывающие предприятия, энергетика, сельское хозяйство, автомобили, то есть сейчас её девать некуда. Это складывалось десятилетиями – эта экономика. А общество складывалось столетиями. Теперь вы говорите: давайте-ка с 1 января...

О.А. Донских. Можно вопрос? Я Сталина не хотел бы трогать, а замечу насчет Петра. Вы знаете, там ситуация такая достаточно ядовитая, вот если считать как-то экономически, то это и считается, что развивалось. Но реально общество пришло к коллапсу и верховники вынуждены были разворачивать страну обратно, потому что не хватало ресурсов. Солдат было слишком много и если бы политика продолжилась, страна бы просто не выдержала. Флот сгнил, как известно, за несколько лет после смерти Преобразователя, поскольку корабли строились быстро и некачественно. Я помню, Вы же писали в своих статьях про то, что экономика, построенная на базе государственного крепостного труда, в частности суконная промышленность, то, что творилось на Урале... Это ведь не модернизация, по большому счету. Это перерасход человеческих ресурсов, который потом определил откат. О какой модернизации здесь можно говорить? Она же должна быть обеспечена дальше. Обеспечен какой-то рост. А если просто вытянули за волосы и держат за волосы, то всё равно через какое-то время оборвётся. Ну, какая это модернизация? Или я как-то неправильно модернизации понимаю?

Г.И. Ханин. Вы знаете, я в самом начале своего выступления об этом сказал. Что именно модернизация петровская и сталинская оказались непрочными. И Вы совершенно правильно об этом говорили. Как же добиться, чтобы она была прочной? Без этих чрезвычайных мер толчок невозможно сделать. Но после того, как они осуществились, надо понять, что надо остановиться и создавать институты, которые позволяли поддерживать...

Р.А. Гусейнов. Эти процессы очень инерционные, никто не хочет останавливаться.

Г.И. Ханин. Никто не хочет. Это очень трудно. Вот Сталин собирался к концу своей жизни. Не успел, его по такому случаю отравили. Поэтому, конечно, и то плохо, безнадежно. И это. Я не рассматриваю вариант – сдаём с вами в концессию страну или часть ее, приглашаем иностранцев, пусть они нами правят, как бояре. А как сделать внутри страны?

О.А. Донских. Ну, это значит, нужно как-то по Веберу менять, уходить ... Тогда же получается, что мы вынуждены менять общество. Как вот в США в 19-м веке – богатые южане потерпели поражение от протестантов – нищих янки, и сменилось общество.

У меня тогда вопрос может быть неправильный. Вот если придет молодёжь, совершенно циничная, никаких ценностей, идеалов. Они могут сыграть роль американских янки, эту страну перевернуть, невзирая там ни на какие пенсии, уберут всё это старьё?

Сергей Петрович Исаков. Как раз циничных можно не бояться: зачем им модер-

низация? Гораздо проще убрать старую элиту и качать нефть дальше. А вот если придут идейные, да с идеалами – они так все модернизируют, что мало не покажется.

Г.И. Ханин. Вы знаете что? У меня был друг знаменитый публицист Селюнин. Когда началась перестройка, он сказал: нужно два поколения пропустить.

Р.А. Гусейнов. Ну, это по Библии точно.

Г.И. Ханин. Он имел в виду другое: что эти два поколения настолько развращены, что нужно два поколения убрать, со всех постов убрать, от всего управления. И когда я вижу, как что-то происходит в нашей стране, то такая мысль, конечно, появляется. Давайте двадцатилетних. Кто же их научит, этих двадцатилетних? Их уже обучили, наши преподаватели прекрасные обучили. Как сказал один мой студент: «Мы сделаем ещё хуже!»

Г.П. Литвинцева. Давайте вернемся всё-таки к экономике, а не к проблемам общества.

Г.И. Ханин. Галина Павловна, а вам кажется, что это возможно?

Г.П. Литвинцева. Позвольте конкретизировать два вопроса. В статье «Главный шанс» д.э.н. А.Г. Коржубаева и В.Г. Федотович, опубликованной в журнале «ЭКО», № 3, 2010 г., написано так: «Ожидается, что в нефтегазовом комплексе России произойдет некоторое (на несколько месяцев) замедление реализации добывных и инфраструктурных проектов, после чего именно этот отраслевой комплекс станет локомотивом вывода экономики из кризиса, формирования значительного технологического и конечного спроса» (с. 45). У меня первый

вопрос: может ли нефтегазовый комплекс стать локомотивом вывода экономики из кризиса и может ли он быть локомотивом экономического роста? Могу уточнить, что целесообразно говорить о краткосрочном периоде, а также о долгосрочном.

Ну и второй вопрос. Несколько лет назад даже экономисты, я не говорю про неэкономистов, говорили: ну и что, мы как ОАЭ, будем добывать нефть, продавать нефть и будем жить примерно так же, как они. Действительно, почему «нефтяные» арабы так хорошо живут, за счет каких институтов? Вот, собственно, два вопроса, на которые хотелось бы получить ответ присутствующих. Владимир Витальевич, может быть Вы начнете? А потом кто-нибудь присоединится.

В.В. Шмат. Я вообще с некоторой опаской пришел на сегодняшнее мероприятие. Посмотрел на список вопросов в «повестке дня» – и все они в области моих профессиональных интересов. Поэтому по каждому из них я могу говорить долго и нудно. Предварю ответ на поставленный вопрос. Поскольку обсуждение отталкивается от некоторых публикаций, хочу сказать следующее. Есть такая заповедь у критиков: прежде чем ругать – похвали. К сожалению, как бы ни прискорбно это звучало для автора, сегодня я этой заповеди не могу последовать. Я категорически не согласен с этой статьей, начиная от теоретических посылов – вплоть до того, что автор просто неправильно понял Маркса. Что касается практических выводов, они не просто не верны, они вредны. Что значит прекратить экспорт энергоносителей, даже не в одночасье, а в какой-то короткий срок? Это все равно, что несколько атомных бомб подложить под нашу экономику и одновременно взорвать. Практический результат будет именно такой.

Теперь ближе к вопросам. Вообще говоря, все поставленные вопросы, обсуждения, трактовки, понимания – «сырьевая экономика», «несырьевая экономика», соотношение этих секторов, богатство это или не богатство... У меня такое ощущение, что когда такие вопросы обсуждаются, мы отталкиваемся от каких-то достаточно иллюзорных представлений. То есть мы просто живем иллюзиями... Не знаю, что это? Стереотипы какие-то, штампы или что? Почему так происходит, в частности, с теми же богатыми арабами? Почему арабы живут богато в Кувейте или в Саудовской Аравии? Ответ очень простой: их мало. А нефти много. Вот если бы у нас было бы такое же соотношение по численности населения и добыче нефти, тогда – другое дело. У нас сегодня отдельно взятая, например, Томская область не может себе обеспечить богатую жизнь. А если сравнить Томскую область с Ханты-Мансийским автономным округом, то выявятся иные соотношения между численностью населения и добычей нефти и, соответственно, той денежной наличностью, которая приходится на душу населения. Это элементарно, а мы начинаем...

Мы никогда не жили так богато, сейчас не живем и никогда не будем жить богато за счет одной только нефти, как арабы.

Вторая иллюзия – это наша зависимость от сырьевого сектора экономики. Есть ли она в том понимании, как это сейчас озвучивается: что мы сидим на «нефтяной игле» и т.д. и т.п.? Если все так более или менее буквально понимать, то сегодня на «нефтяной игле» сидит федеральный бюджет.

С.П. Исаков. И Ханты-Мансийск.

В.В. Шмат. И ханты-мансийский бюджет в недалеком прошлом. Хотя сейчас его

лишили нефтяных доходов. А вот в целом экономика: насколько она зависит от положения в нефтегазовом секторе, – это вопрос, на который трудно дать однозначный ответ. И вообще, что такое «голландская болезнь» применительно к нам? Если к медицинским метафорам прибегнуть, то есть человеческий грипп – и его можно назвать аналогом «голландской болезни». Если мы и болеем гриппом, то он у нас – не человеческий, а «птичий», «свиной» или какой-то иной в подобном роде. Если мы и болеем «голландской болезнью», то её симптомов у нас не так уж и много, совсем чуть-чуть. А в большинстве – это симптомы совсем другой болезни.

Никита Иванович говорил о симптомах «голландской болезни»: утяжелении валюты, снижении конкурентоспособности, но это – чисто экономический аспект. А в социальном плане – что это такое? Это когда на страну сваливаются неожиданно очень большие доходы, несопоставимые по величине с теми, которые она в историческом тренде получала, и которые она не может или не знает, как использовать. И это порождает массу иллюзий в обществе. И куда эти доходы в первую очередь направляются? В той же Голландии – почему мы заговорили о «голландской болезни» – основное направление использования рентных доходов было связано с масштабными инвестициями и социальными программами, финансируемыми за счет государственного бюджета. Как следствие, это резко снижает в обществе в целом стимулы к эффективному труду и к эффективному предпринимательству. Появляется социальное иждивенчество. У нас есть почва для социального иждивенчества на базе нефтяных доходов? Если есть, то для очень ограниченной группы людей. Это первый момент.

Второй момент. Норвегия приведена в качестве успешного примера единственной страны, которая избежала «голландской болезни». Она ее не избежала, так же как и мы. На какой-то стадии развития нефтяной промышленности (в конце 1970-х годов) при социал-демократах в Норвегии дело шло как раз к этому. И только с приходом к власти консервативной коалиции начался иной политический курс, при котором удалось преодолеть симптомы проявления «голландской болезни», связанные в том числе с социальным иждивенчеством. В дальнейшем этот курс постоянно выдерживался, даже несмотря на внутривнутриполитические перемены в стране. То есть мы имеем несколько иной пример. В любом случае решающим оказывается институциональный фактор, включая и политический. Точнее, целый комплекс факторов – всё, что связано с институтами, – определенным образом сработало и было настроено, чтобы подавить негативные тенденции в социально-экономической системе. То же самое являет пример Аляски (как отдельной территории в составе государства). То же самое – пример Канады. Почему-то про Канаду всё время забывают, хотя это одна из самых развитых и благополучных стран, которая получила и продолжает получать очень приличные доходы от добычи нефти и газа. Можно в какой-то степени Великобритании привести в пример, когда в период нефтяного бума при освоении североморского шельфа она получила крупные «нефтяные доходы».

Г.И. Ханин. Значит, нет разницы между Великобританией, Канадой и Россией? Вы не видите разницы?

В.В. Шмат. А в том-то и дело, что есть очень большая разница между всеми этими странами.

И теперь обратимся к очередному вопросу: может ли быть нефтегазовый сектор у нас «локомотивом экономики»? Проблема, на мой взгляд, заключается в следующем. Есть два сектора: сырьевой и обрабатывающий – и они в нашей экономике, к сожалению, слишком изолированы друг от друга. Реально же «локомотив экономики» может функционировать в условиях существования достаточно интенсивных прямых связей между двумя секторами. Что обычно понимают под «локомотивом экономики»? Это спрос на товары, услуги, на квалифицированные кадры и т.д. и т.п. И плюс к этому косвенные связи – то, что опосредуется через финансовую сферу и в частности – бюджетную. То, что проходит через бюджет, это влияет главным образом на те сферы, которые непосредственно финансируются за счет бюджета, и в гораздо меньшей степени – на другие сферы экономики. А прямые связи в экономике между двумя секторами не столь сильны, чтобы нефтегазовый сектор мог успешно играть роль «локомотива». За последние 30–40 лет сырьевой сектор экономики – и в особенности нефтегазовая промышленность – в своем качественном виде очень сильно изменился. Сейчас эти отрасли никак нельзя отнести к числу технологически отсталых. На сегодняшний день нефтегазовый сектор является одним из самых наукоемких секторов экономики, предъявляющим с каждым годом всё возрастающий спрос на новые технологии, оборудование, материалы, электронику, программные продукты. В связи с этим – постоянно растущий спрос на квалифицированную рабочую силу. Это происходит во всем мире. В значительной степени то же самое происходит у нас. С одной оговоркой: слишком большую часть всего этого мы берем

не из обрабатывающего сектора, не из высокотехнологичного сектора собственной экономики, а импортируем. И поэтому обратной отдачи, обусловленной спросом на высокотехнологичные, наукоёмкие товары и услуги – вот его на сегодняшний день в достаточной мере нет для того, чтобы можно было говорить о нефтегазовом секторе как о «локомотиве».

Теперь посмотрим на ситуацию с другой стороны, то есть со стороны обрабатывающего сектора. А может ли наш высокотехнологичный сектор, наука, сфера образования дать нефтегазовому сектору то, что ему нужно? Ответ однозначный: не может. Подавляющая часть того, что мы можем сделать и что конкурентоспособно по мировым меркам (за исключением применимого в военных отраслях) – машины, оборудование и прочее – уходит на экспорт, так как не находит спроса внутри страны. То есть имеет место несоответствие между структурой спроса и предложения. Существует серьёзный разрыв, а как его убрать, как его ликвидировать? Пока этим всерьёз никто не занимался. Модернизация в такой ситуации – не более чем разговор, потому что процессы в обрабатывающей сфере экономики пущены на самотёк. Уповают на рыночные силы: если появится спрос, значит, должно родиться предложение, развиваться производство. Но в действительности этого не происходит, потому что существует очень много причин (прежде всего институционального характера), которые этому мешают. Я уже не говорю о государственной поддержке зарубежных экспортёров, предоставляющих нам товары и услуги, со стороны своих правительств. Нашим же газовикам и нефтяникам зачастую удобнее и выгоднее работать с известными поставщиками, имеющими высокую репута-

цию, нежели ждать, что кто-то из наших производителей сделает нечто конкурентоспособное. Поэтому говорить, что нефтегазовый сектор сегодня может стать «локомотивом» – это очень проблематично. Разве что – в более долгосрочной тенденции. И разве что – потенциально. Да, потенциально может. Но вот удастся ли эти потенциальные возможности превратить в реальность, не прилагая к этому каких-либо особых, специальных усилий со стороны государства, главного регулировщика экономики – вопрос, на мой взгляд, риторический. Рынок в данном случае сам по себе ничего не сделает, хотя бы потому, что существуют высокие барьеры входа на этот рынок. Вот если бы этих барьеров не было...

Каждый свою скважину бы имел!

В.В. Шмат. Нет, почему скважину! Я всего лишь имел в виду другое. Новым производителям высокотехнологичных товаров и услуг у нас очень трудно «достучаться» до нефтяников и газовиков, трудно выйти на рынок. Говоря это, я отталкиваюсь от реальных примеров. Ученые из нашего Академгородка зачастую тратят многие годы, чтобы найти реальных заказчиков для своих разработок, даже доведенных до степени промышленной готовности. Многие годы тратятся на то, чтобы войти в этот самый рынок. Это к вопросу о барьерах.

Г.И. Ханин. Ну, ничего особенного. Вот бюджет он кормит, а, дескать, в экономике страны не очень большой его удельный вес. Этого я не понимаю. Разве нет такой связи между бюджетом и ролью в экономике страны? Мне казалось, что бюджет – это зеркало страны. Если мы говорим, что в бюджете 50–60%, то, не зная статистики, я могу предположить, что и в экономике те же 60%.

В.В. Шмат. Я согласен, что связь через бюджет – достаточно сильная. Но для того, чтобы нефтегазовый сектор выполнял функцию «локомотива», этого недостаточно. Мы же говорим еще о конкурентоспособности. Вот продукция нефтегазового сектора конкурентоспособна, соответственно, доходность единицы продукции в денежном выражении несоизмерима с доходностью продукции, произведенной обрабатывающим сектором. А если брать прямые «физические» взаимосвязи между секторами экономики, то они очень слабы.

Н.И. Суслов. Я думаю, что Владимир Витальевич говорит о том, что чтобы быть локомотивом развития, нефтегазовый сектор должен стимулировать внутренний спрос. Однако этого не происходит, поскольку Газпром и нефтяные компании закупают оборудование за рубежом.

В.В. Шмат. И в то же время обрабатывающий сектор тоже изолирован от сырьевого, поскольку то, что он может предложить, не нужно нефтяникам. Даже то, что конкурентоспособно, так как не совпадает структура предложения и спроса.

Г.П. Литвинцева. А вот основные показатели внешней торговли России. Сальдо экспорта-импорта в 2008 г. составило 200,9 млрд долл. США. Отношение объема внешней торговли (сумма экспорта и импорта) к ВВП России оценивалось в 37 %. А теперь давайте посмотрим на удельный вес стран в мировом экспорте и импорте. Я использую данные статистических сборников: «Группа восьми» в цифрах» (2009) и «Россия и страны – члены Европейского союза» (2009), «Россия и страны мира» (2008). Удельный вес России в 2008 г. в мировом экспорте равнялся 3 %, а в мировом импорте – 1,7 %.

Для сравнения доля Франции в мировом экспорте составляла 3,8 %, в импорте 4,4 %. Доля США – соответственно 8,2 % и 13,5 %, а Германии – 9,3 % и 7,5 %.

Товарная структура российского экспорта, естественно, однобокая. Экспорт минеральных продуктов составляет 70 % плюс металлы, драгоценные камни и изделия из них – еще 13 %. В структуре экспорта преобладают нефть, нефтепродукты, природный газ, металлы и изделия из них. В структуре импорта выделяются, например, легковые автомобили, аппаратура телефонной и телеграфной связи, лекарственные средства, полимерные материалы, пластмассы и др. Текущая товарная продуктивность экономики России стала в значительной мере поддерживаться за счет обмена сырьевых ресурсов на потребительские и инвестиционные товары.

Ещё я хочу сказать о важном показателе, коэффициенте покрытия импорта экспортом. Отдельными экономистами, политическими деятелями высказывается мнение, что любое увеличение внешнеторгового оборота России оказывает на экономику благоприятное воздействие. Однако сам по себе размер этого оборота, хотя и характеризует степень включения экономики в систему мирового хозяйства, однако ничего не говорит о выгоды этого включения. Национальная экономика выигрывает, если внешнеторговый оборот повышает ее продуктивность и производственный потенциал, и наоборот. Обратимся к внешнеторговым балансам экономики России за 1990–2008 гг. Начиная с 1991 г. они постоянно имеют положительное сальдо (экспорт минус импорт) (см. табл. 1, 2 на листе раздаточного материала).

Таблица 1

Структура внешнеторгового оборота России и коэффициенты покрытия импорта экспортом в 1990–1999 гг. (фактически действовавшие цены, млрд долл. США)*

Показатель	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Экспорт	71,7	50,9	53,6	59,6	68,1	81,3	88,4	88,2	74,2	75,9
Импорт	81,8	44,5	42,0	44,3	50,5	60,9	61,5	73,6	59,1	39,6
Сальдо торгового баланса	-10,1	6,4	11,6	15,3	17,6	20,4	26,9	14,6	15,1	36,3
Коэффициент покрытия импорта экспортом	0,88	1,14	1,28	1,35	1,35	1,33	1,44	1,20	1,26	1,92

* По методологии платежного баланса.

Лидерами по субсидированию внешнего мира товарами в 1990–1999 гг. являлись Япония (среднегодовой коэффициент покрытия экспортом импорта – 1,34), Россия (1,31) и Швеция (1,18), а в получении товарных субсидий – США (0,76), Испания (0,76) и Великобритания (0,88). Россия, таким образом, отдавала в период 1990–1999 гг. за единицу импортируемого товара в среднем на 31 % больше экспортируемых товаров, чем их требовалось при прямом товарообмене. США, например, – на 24 % меньше.

В 2000–2008 гг. по данным таможенной статистики среднегодовой коэффициент составил в России 2,291. Лидерами по субсидированию внешнего мира товара-

ми в 2000–2008 гг. являлись: 1) среди стран «Группы восьми»: Россия, Германия, Япония (коэффициенты в 2007–2008 гг. равнялись 1,752, 1,217 и 1,145 (2007 г.) соответственно; 2) среди 27 стран – членов Европейского союза: Ирландия (1,526), Германия (1,217), Швеция (1,109), Нидерланды (1,107); 3) среди стран мира (71 страна) коэффициент больший, чем 1,2, в 2006 г. кроме России имели еще 14 стран, такие как Норвегия (1,903), Индонезия (1,288), Казахстан (1,616), Китай (1,225), Алжир (2,515), Ангола (2,68), Нигерия (2,069), Аргентина (1,363), Боливия (1,37), Бразилия (1,438), Чили (1,513) и др. Однако в США коэффициент покрытия импорта экспортом

Таблица 2

Структура внешнеторгового оборота России и коэффициенты покрытия импорта экспортом в 2000–2008 гг. (фактически действовавшие цены, млрд долл. США)*

Показатель	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Экспорт	103,1	100,0	106,7	133,7	181,6	241,5	301,2	351,9	467,9
Импорт	33,9	41,9	46,2	57,3	75,6	98,7	137,8	199,7	267,0
Сальдо торгового баланса	69,2	58,1	60,5	76,3	106,0	142,8	163,4	152,2	200,9
Коэффициент покрытия импорта экспортом	3,043	2,387	2,311	2,331	2,403	2,446	2,186	1,762	1,752

* По данным таможенной статистики.

составил в 2007 г. только 0,576, в Великобритании – 0,7, во Франции – 0,877, в Италии – 0,98.

Г.И. Ханин. И что Вы хотите сказать, Галина Павловна? Разница куда девается, по-Вашему?

Г.П. Литвинцева. Разница? Можно посмотреть чистый экспорт. Огромный чистый экспорт в сопоставимых ценах растёт, а используется он, как сказали, неразумно. Анализ, проведенный мной в 2003 г., показывает, что накопленный Россией за период 1990–2002 гг. чистый экспорт превзошел объем ВВП 1990 г. в 1,14 раза. В текущем аспекте внутренний рынок недополучил товаров в размере 114 % ВВП 1990 г. В воспроизводственном аспекте рост чистого экспорта повлек снижение доли сбережений, направляемой на валовое накопление. Объем чистого экспорта в 2002 г. вырос по сравнению с 1990 г. в сопоставимых ценах в 80 раз и более чем в 2 раза превысил объем валового накопления. Увеличение доли конечного потребления в ВВП ввело экономику в режим «проедания» капитала, увеличение доли чистого экспорта – в режим субсидирования внешнего мира. В целом за период 1992–2002 гг. на конечное потребление было направлено 76,2 % произведенного ВВП, на валовое накопление – 10,7 %, на чистый экспорт – 13,1 %.

Г.И. Ханин. Как Вы это объясняете? Каков механизм этого?

Г.П. Литвинцева. С точки зрения краткосрочной перспективы, это обычно расценивается как положительное явление, поскольку обеспечивает возможность накопления экспортерами иностранной ва-

люты и формирования государством золотовалютных резервов. Однако если чистый экспорт поддерживается на высоком уровне постоянно, то это означает субсидирование отечественными товарами внешнего мира. Поставки внешнему миру товаров в этом случае осуществляются путем прямого товарообмена лишь в объеме покрытия импортом экспорта. Товары, поставляемые сверх этого, передаются стране-покупателю с отсрочкой получения за них товарного эквивалента. Эта отсрочка длится до тех пор, пока полученная за экспортированные товары валюта не будет использована для закупки во внешнем мире товаров или услуг для их поставки на рынок страны – держателя валюты. Если же валюта не используется на эти цели, а накапливается или вывозится за рубеж, то страна превращается в донора внешнего мира, и ее товарная продуктивность падает. Напротив, если импорт постоянно выше экспорта, то товарная продуктивность возрастает, поскольку страна-реципиент получает из внешнего мира товаров больше, чем отдает ему.

Г.И. Ханин. Вы, Галина Павловна, подводите к тому, что Сосунов прав.

Г.П. Литвинцева. Я не говорю, что Олег Глебович в прикладном аспекте говорит глупость. Но любое высказывание должно быть чем-то, во-первых, подтверждено, а во-вторых, объяснено. В данном случае эти цифры можно характеризовать как один из примеров того, что и бедные, и богатые страны могут иметь разные коэффициенты покрытия импорта экспортом. Но то, что в России он неизменно больше единицы и достаточно высокий, вызывает большую тревогу и вопрос.

Пожалуйста, Рифат Ахмедович.

Р.А. Гусейнов. Галина Павловна, поблагодарить надо Вас. За то, что напомнили нам, что экономисты люди не только рассуждающие, но и считающие. Вот единственная выступила аргументированно. Правда, я не очень понял, почему это опасно. Это, друзья мои, самый настоящий меркантилистский подход 16 века: продавай побольше, покупай поменьше – будет всё хорошо. Это меркантилизм. Галина Павловна отрицает меркантилистский подход.

Г.П. Литвинцева. Надо смотреть на мультипликатор внешней торговли по Кейнсу. Возможно, он работает не так.

Р.А. Гусейнов. Вот, Галина Павловна говорит: поменьше продавать, побольше покупать. Тогда будем жить, как в Америке.

Г.И. Ханин. 0,76! Да, вот так сделать, понимаете. Продать на 100 миллиардов, купить на 200...

Р.А. Гусейнов. Коллеги, я помню, когда мы начали рыночную реформу в 1992 году, в серьезнейшем журнале «Вопросы экономики» были статьи на тему: какую модель взять для России! Всерьез писали: мы будем жить по-китайски, по-французски, по-шведски. Да никогда мы не будем жить ни по-французски, ни по-китайски! Вот как жили, так и будем жить! Отсюда вытекает третье моё открытие за 45 лет. Коллеги! В истории ничего не пропадает. Генетика – сильная. Историческая генетика. Нет, я уважаю Дарвина, из туфельки-инфузории в конце концов получится корова. Я понимаю это. Но от обезьяны всегда рождается обезьяна, а не человек. Никто никогда не видел, чтобы было иначе. Я видел наоборот: от человека рождается обезьяна. Это я видел, да! Но исторически сложилось так, что российская экономика, как экономика *отдельной* российской цивилизации, всегда была государственной экономикой. У нас никогда в истории не было даже момента совершенной конкуренции! У нас всегда самым главным инвестором и инноватором было государство. А государство всегда олицетворяется в личности государя. Поэтому я очень спокойно отношусь к перспективам системного развития рыночной экономики в России. Отдельными элементами – конечно, конечно мы будем вытаскивать из карманов деньги, покупать товары, это несомненно. Если это рынок, то конечно и в Древней Греции был рынок.

Уважаемые коллеги! В прошлом году, в первой половине года шла передача по российскому каналу, очень интересная передача. Называлась «Имя Россия». Зрители назвали самых выдающихся государственных деятелей в истории России и не менее выдающие эксперты обсуждали, кто из них достоин имени Россия. В конце концов приняли правильное компромиссное решение, что самый выдающийся человек в истории России Александр Невский. Полностью с ними согласен: выдающийся человек, спас Россию, потому что на два фронта бороться он не мог, он помирился с монголами и боролся с Западом. Нормально всё! Но я заметил другое. Все русские деспоты и злодеи присутствовали среди этих двенадцати со знаком плюс. Иван Грозный, Пётр II! И даже всеми любимый, нашими демократами любимый, Столыпин, который разрушил своими руками основу стабильности русского крестьянского общества – общину, надеясь, что мы будем жить по-европейски. Вообще в общине никогда не было классовой борьбы. Он умудрился спровоцировать эту классовую борьбу в деревне, и этим воспользовались большевики. И он считается олицетворением демократизма,

Уважаемые коллеги! В прошлом году, в первой половине года шла передача по российскому каналу, очень интересная передача. Называлась «Имя Россия». Зрители назвали самых выдающихся государственных деятелей в истории России и не менее выдающие эксперты обсуждали, кто из них достоин имени Россия. В конце концов приняли правильное компромиссное решение, что самый выдающийся человек в истории России Александр Невский. Полностью с ними согласен: выдающийся человек, спас Россию, потому что на два фронта бороться он не мог, он помирился с монголами и боролся с Западом. Нормально всё! Но я заметил другое. Все русские деспоты и злодеи присутствовали среди этих двенадцати со знаком плюс. Иван Грозный, Пётр II! И даже всеми любимый, нашими демократами любимый, Столыпин, который разрушил своими руками основу стабильности русского крестьянского общества – общину, надеясь, что мы будем жить по-европейски. Вообще в общине никогда не было классовой борьбы. Он умудрился спровоцировать эту классовую борьбу в деревне, и этим воспользовались большевики. И он считается олицетворением демократизма,

Столыпин-вешатель! Невежество господствует над нами, вот оно душит нас, невежество. Люди ничего не исследуют, одни журналистские мифы переписывают друг у друга – вот и всё! Ну, а про Ленина и Сталина и говорить нечего. Я думаю, что это полное соответствие русскому национальному духу, поэтому я очень спокойно отношусь к демократизму в России, зная, что демократия могла бы существовать в России, но она не востребована, она никому не нужна. А демократизм – это социально-политическая оболочка для развития рыночной системы. Поэтому, коллеги, я с удовольствием всегда присутствую на такого рода круглых столах, на конференциях, которые всегда являются лишним подтверждением моей собственной правоты. Спасибо.

О.Г. Сосунов. Вот, скажем, есть национальные особенности в экономике и так далее, а законы в экономике есть? Фундаментальные?

Р.А. Гусейнов. Конечно. Я, с вашего позволения, напомню вам, вот я Столыпина упомянул, а не упомянул Сергея Юльевича Витте. Он был поклонником немецкого мыслителя Фридриха Листа, который удивил научную общественность в 1841 году, выпустив книгу со странным названием: «Национальная система политической экономики». Мы, экономисты, всегда думали, что существуют общие экономические законы и для Англии, и для Германии, и для России. И Маркс писал об этом. А Лист считал, что нет, многое зависит от внешних, внеэкономических факторов. В конце концов, он был основателем современного институционализма, если уж хотите, потому что он внешние факторы нашёл в таком трудно уловимом явлении, его и статистикой не уловишь, в национальном духе. Я

не знаю, что такое национальный менталитет, но национальный дух присутствует всё-таки, во всяком случае, во мне.

Н.И. Суслов. Скажите, пожалуйста, уважаемый Рифат Ахмедович! Возьмем Японию. Еще в последней трети XIX века это была отсталая феодальная страна. Но практически за четверть века они сумели создать современнейшую по тем временам армию, вооружение которой основывалось на промышленных технологиях. В 1905 Япония разгромила Россию в войне, а ведь Россия была великой державой. Как же это они смогли, если как вы говорите, каждая нация всегда живет, как она живет? Чем объяснить этот мощнейший скачок в развитии? Борис Акунин в «Алмазной колеснице» описывает спор двух героев в 1878 г. Один смеется: что Япония за противник для России? Что за солдаты, которые ростом по грудь нашим, русским? Другой, проживший в Японии, отвечает: а вы взгляните, у кого в домах чище! Тот и победит. Вот вам роль культуры: она содержит что-то, что может взорвать размеренную жизнь, если будет исторический вызов.

Р.А. Гусейнов. Это вопрос? Вы ж сами ответили на него.

Н.И. Суслов. Нет, секундочку! Тогда как объяснить, почему постоянно появляются страны, которые после долгой стагнации вдруг начинают догонять страны – лидеры по богатству? Та же Япония после войны, затем Южная Корея, Китай, сейчас другие экономики Юго-Восточной Азии? Еще раньше – те же США, обогнавшие Европу к концу 1920-х гг. прошлого века? Кстати, и Россия лидировала по темпам роста в конце XIX – начале XX вв. В каждом из этих случаев случалось нечто, что кардинально меняло

модель развития. Что это? Мой ответ – изменение системы экономических институтов, формирующих стимулы к развитию.

Р.А. Гусейнов. Я Вам скажу, что *ничего* не происходило. Все эти революционные изменения происходили сверху, как это и полагается в восточных деспотических странах. Давайте вспомним хотя бы, что модернизация японской экономики и политики, также и парламентаризма, провёл император. Ничего не менялось в японском духе. Японец на работу ходит в галстуке, а дома он семейный деспот в своем кимоно.

И.И. Суслов. Я не знаю, деспот он там или не деспот, а вопрос в том, есть там рынок или нет. У нас такого нет.

Р.А. Гусейнов. С формальной точки зрения у нас процветает рынок. Нет дефицита. Всё продается: дипломы, совесть, честь, достоинство, оружие, наркотики – всё, что хотите! Рынок по-рашенски.

Я думаю, что сегодня много точек на «ё», (у нас нет *й*) сегодня расставил Владимир Витальевич. Я думаю, что пока есть сырьевые ресурсы, вряд ли что-нибудь изменится. Напомню вам, что в 1724 году великий русский ученый Посошков...

Г.П. Литвинцева. Иван Тихонович.

Р.А. Гусейнов. Какая память! В книге «О скудости и богатстве» сетовал в 1724 году, что нам, России, такой великой державе, стыдно продавать сырьё. Ну, посетовал-посетовал, как вот сейчас мы, посетуем – и разойдёмся. Его, правда, угробили в Петропавловской крепости, он там помер, но это триста лет назад было. Что изменилось? Когда я учился в универ-

ситете, профессор Цаголов рассказывал, какая у нас ужасная экспортная политика. Это было в шестидесятых годах. Пятьдесят лет с тех пор прошло. Что изменилось? Ну, поговорим-поговорим. Я с удовольствием слушал последнее время Президента, послание Федеральному собранию. У меня такое впечатление было, как у мусульман есть такой ритуал – шахсейвахсей: сами себя побивают. Мне тоже показалось, что человек встал на трибуну и начал себя бить: научно-технического прогресса не происходит, экономика остаётся сырьевой, в банках получить кредиты невозможно. Побил себя и ушёл. Что изменилось? Ничего не изменилось. А ничего не меняется, потому, что мы страна априорно государственная. Пока государь не решит, ничего не будет.

Нет, ничего не менялось и до него в течение 10 лет. Кто-то сегодня рассказывал, мы триллионные доходы не смогли никуда истратить. Положили в коробочку и сели на неё. Что вырастет, если ты положишь деньги в коробочку и сядешь на неё?! Кроме геморроя – ничего.

С.Г. Золотаренко. Мы, мне кажется, достаточно продуктивно побеседовали. Гирш Ицкович сказал о том, что мы вообще к инноватике глухи. Рифат Ахмедович пояснил, почему. Потому, что наш российский менталитет нас доводит до того, что никакие инновации нас вообще не волнуют. Владимир Витальевич сказал, что касается экономики, мы будем так и сидеть, пока не закончатся наши естественные ресурсы. .

В.В. Шмат. Я этого не говорил.

С.Г. Золотаренко. Нет? Простите, как раз я Вас так понял. Вот Никита Иванович

говорил про разумные государства, привёл почему-то Соединённые Штаты, что они продали баррель – с барреля столько-то центов в переработку положили. Первый передел, второй передел... А у нас ума не хватает почему-то, хотя ещё Менделеев говорил, что топить нефтью – то же самое, что топить ассигнациями. А мы продолжаем, хотя когда начинали осваивать Западно-сибирское нефтегазовое месторождение, мы, кто старше, кто младше, мы все думали, что вот сейчас начнём развиваться. Втуне эти наши доходы потонули, мы ничего путного не построили, хотя были какие-то задумки, пытались провести дорогу на Восток: БАМ. Нужен он или не нужен, закопали миллиарды там, чтобы каким-то образом выйти на Восток. Сегодня что? Какая-то безысходность. И я как-то не понял: могут ли быть какие-то инновационные решения, и что такое инновационные решения в добыче?

Говорили о том, что скважины в Тюменской области все уже пустые и нам надо использовать новое горизонтальное бурение, чтобы там добыть эту оставшуюся нефть. Используем мы это или не используем? Вероятно, используем.

Теперь по поводу тезиса Олега Глебовича, который говорил о том, что, чем больше мы сжигаем энергетических ресурсов, тем мы богаче. Ну, это, вероятно, оброчно, Так?

О.Г. Сосунов. Нет, я говорил, что создаётся стоимость.

С.Г. Золотаренко. Нет, тут Вы, вероятно, недостаточно корректно... Вы летали на самолёте? Вот, в Тюмень? Вы видели, сколько там мы сжигаем газа? Мы уже должны были озолотиться. Столько

этой стоимости создать, что некуда её девать! Вот Гириш Ицкович попытался Вас как-то переубедить. С геофизики на человеческий язык перевести. То есть Вы говорите то, о чём говорил Никита Иванович: чем больше переделок, тем круче добавленная стоимость и даже если вот этот последний передел мы вывезем за границу. Тут ещё Рифат Ахмедович говорил про Японию, про японский дух. Не мешало бы напомнить, что в Японии вообще нет никаких богатств природных, а они богатеют и богатеют чего-то. И поэтому я хочу сказать: я вот из нашего обсуждения понял, что природных ресурсов у нас не так и много, как нам кажется. Это я правильно понял? Если поделить на душу, то будет совсем ничто.

Но тем не менее время работает на нас. Демографическая ситуация ухудшается. Население всё больше уходит за пределы трудоспособного возраста, и мы дойдём до того, что девушки, о которых так образно говорил Рифат Ахмедович, будут жить тогда, когда в России на каждого жителя будет приходиться столько же, сколько на «нефтяного араба».

С.П. Исаков. А почему Вы делите на всё население вообще? На всех рассчитано не было. У нас как раз тех, на кого реально делится, гораздо меньше, чем в Кувейте. Никита Иванович упомянул тут о «ресурсном проклятье». Похоже, это стало уже неким штампом, аксиомой, не требующей доказательств и лишь подтверждаемой примерами – и ведь их масса! Но ведь и обратных примеров не меньше (США, Канада, те же Эмираты), то есть дело не в ресурсах. А самое главное – не выявлена обратная зависимость: что бедные ресурсами страны развиваются быстрее. Значит, тут

работают другие закономерности, и вот их-то и надо бы выявить.

Кроме того, этот вопрос рассматривают обычно на уровне стран, а ведь это ограничение ничем не обосновано. Уже говорилось сегодня, что в России доходы от экспорта сырья аккумулируются в основном на федеральном уровне, а регионы к этому золотому дождю отношения не имеют. Поэтому на нас это «проклятье» не распространяется. И с этой точки зрения в Новосибирской области должно быть так же, как в Японии. Но вот не так, и не то что не получается, а даже и не пытаемся.

Видимо, прав Рифат Ахмедович: ни наличие, ни отсутствие сырьевых богатств не влияет на готовность России к модернизации. Нет стимулов к развитию. Если можно развиваться экстенсивно – а в России это всегда можно было – будем развиваться экстенсивно. Если можно получить даром или украсть – никто не будет работать. Если можно за взятку получить монополию – никто не будет конкурировать. Россию может *принудить* к модернизации только крайность, угроза самому ее существованию, и мы с облегчением останавливаемся, как только необходимость проходит. Как говорится: «ездим, пока не встанет, чиним, пока не поедет». И не в «азиатчине» дело: как раз Азия демонстрирует сегодня самое бурное и интенсивное развитие.

Почему так – научного ответа, видимо нет. Да что ответ – даже *вопрос* в научном плане толком не поставлен. Видимо, нас еще не прижало как следует?

Владимир Яковлевич Карпов. Не по теме, может быть. Я политик, представляю Областной Совет депутатов. Я несколько мыслей хотел бы высказать и послушать критику.

Первое. Два года назад, когда совсем-совсем стало неудобно смотреть на то, что творится в стране, у нас в регионе небольшая группа в семь человек задумалась, что можно сделать. Лет пятнадцать мы бились в народ, призывая то на митинг, то ещё куда-то, и за пятнадцать лет стало понятно, что это не срабатывает.

Г.И. Ханин. На какие митинги?

В.Я. Карпов. Коммунистические. Я секретарь обкома КППРФ. Не работает, не срабатывает и обманывать себя было бы неправильно

Второе. То, что рынок, даже пускай с самой добросовестной конкуренцией, выведет Россию – это заблуждение, поскольку сразу он, вот здесь я услышал подтверждение, переключится на добротные фирмы зарубежные и здесь внутри, ничего особо хорошего для высокотехнологических отраслей не будет.

Государство. Да, государство. Но только не то государство, которое существует сегодня. Сегодня государство в силу коррумпированности и многих неприятных вещей, не способно это сделать. И здесь возникла идея, идея в том, что даже в этом пассивном обществе есть же такие очаги, где стремление что-то сделать. Это, прежде всего, общественные организации и самое главное, их руководители. Они вот в этих условиях, в пассивной среде тем не менее собирают вокруг себя людей. Одни поют, другие рисуют, третьи – ещё что-то. Решили пойти на то, чтобы объединять вокруг себя, консолидировать общественные организации.

Два года прошло. От семи человек это объединение выросло до пятидесяти организаций плюс, кроме Единой России де-

легированы полномочия всех региональных отделений политических партий Правого Дела и коммунистов. Оно называется Организационный комитет общественности Новосибирской области. Мы организация общественная, причем за эти два года я увидел, что эта идея на самом деле работает. Работает в том смысле, что среди этого пассивного моря достаточно людей, которые не хотят быть пассивными, не хотят так жить и вообще не хотят мириться с этим убогим состоянием своей страны. Поэтому мне думается, что решение этих вопросов, тем более, что государство, я с Рифатом Ахметовичем совершенно согласен, за исключением одного, что там вождь. Вождь настоящий появляется тогда, когда в народе появляется настоящее пассионарное стремление изменить положение дел. Тогда и вождь появляется. Или с верхов, или с низов, по-разному появляется. И поэтому менять надо общество. Общество менять, мне кажется после вот этого двухлетнего опыта деятельности, вот по этому пути, по этому пути можно изменить, придать пассионарный толчок обществу, через него – государству, а через это нормально управлять экономикой, чтобы и от проклятья сырьевого уйти. Не уничтожая, естественно. Это было бы абсолютной глупостью. Так же, как имея на руках огромное богатство, уничтожить его и сказать: нет, я специально стану нищим и тогда...

Г.И. Ханин. Уничтожить что?

В.Я. Карпов. Наше сырьевое богатство и возможность использовать его через торговлю для того чтобы то, чего у нас нет на стадии восстановления уровня, который у нас утрачен, чтобы выйти на надлежащий уровень. Поэтому в целом я смотрю в бу-

дущее с оптимизмом, если только умные, активные, энергичные люди будут подключаться к такому направлению работ.

В.И. Шмат. К вопросу о том, что делать всем остальным. Вы знаете, вот эта ситуация, как я её характеризовал, что у нас оба сектора в значительной степени изолированы друг от друга, в этом есть свои минусы и свои плюсы. Скажем, та же Новосибирская область и большинство субъектов Федерации напрямую от нефти никак не зависят, и это даёт определенный плюс: мы сами должны как-то выстраивать свою жизнь, сами устраивать свою работу, карьеру. Это касается каждого из нас в отдельности, это касается сообщества людей, проживающих на этих территориях. То есть больше в стране нефти добывается или меньше, больше или меньше продается за рубеж – это каждодневно на нас не отражается, напрямую нас не задевает. И в этом есть определенные плюсы.

Комментариями по разным выступлениям можно пройтись?

Вот то, что Никита Иванович говорил о прогрессирующем экспортере. Это, вообще, замечательный пример – Соединённые Штаты. Но надо сказать, что Соединённым Штатам было намного легче, чем нам сейчас. Потому что в тот период времени, когда они развивались по такому пути, им больше некуда деньги было вкладывать, кроме как в свои собственные производства. Инвестиционный рынок США был настолько ёмким, что можно было не думать о других странах. А мы сейчас находимся в сложном положении с этой точки зрения. По всему миру так много прекрасных мест, куда можно вложить деньги или просто оставить, чтобы они там лежали, вместо того, чтобы вкладывать в какие-

то перерабатывающие отрасли у себя на родине. Зачем вкладывать в переработку, если можно оставить на счетах в Швейцарии. То есть это правильный путь – прогрессирующего экспортёра, – и мы можем назвать много стран, которые идут по такому пути. Но там выбор пути жестко насаждается руководством сверху, и никаких других вариантов – вложить или увести – просто не существует. Возьмите Кувейт, Китай, Южную Корею, которые по этому пути идут. Везде мы видим господство государственных и полугосударственных корпораций. Ведь все нефтяные компании стран Ближнего Востока – де-факто государственные; они делают то, что им прикажет государство. Единственное исключение среди нефтедобывающих стран, где существует достаточно тонкое регулирование – это Норвегия. Или, скажем, Аляска – если рассматривать регион внутри страны. А в остальных странах всё делается просто. С каждым днём продавать сырую нефть становится невыгоднее? Пожалуйста – переходим на нефтепродукты. Государство приказало какой-нибудь своей же компании построить нефтеперерабатывающий комплекс – построили. На следующий год – второй завод, третий и так далее. В этих странах новые перерабатывающие и нефтехимические комплексы появляются практически ежегодно. Мы же за тридцать лет ни одного нового не построили. Поэтому политика «прогрессирующего экспортёра» в принципе реализуема, но мы видим на нынешних примерах, в каких условиях она практически может быть реализована. Возможно у нас это или невозможно – очень сложно сказать.

Другой аспект этой же проблемы. Когда мы рассматриваем два сектора – сырьевой и несырьевой, – мы должны чётко понимать,

что наш несырьевой сектор экономики стал неконкурентоспособным ещё задолго до всяких рыночных реформ, о чём Гирш Ицкович уже говорил. И поэтому получилось так, что сырьевой сектор экономики у нас и развивался в годы рыночных реформ. Хорошо или плохо, правильно-неправильно – мы пока оставим этот вопрос в стороне. А несырьевой сектор в значительной степени разрушился, так как он был неконкурентоспособен изначально.

Г.И. Ханин. Возможно, возможно. В пятидесятые годы он был конкурентоспособен. Много вывозили машин: «Победу» вывозили, «Москвич» вывозили, ещё кое-какие товары.

В.В. Шмат. Я с Вами согласен. Но вот рубеж – где-то 60–70-е годы, когда начался обратный процесс. А что требовать от неконкурентоспособного сектора, пока вы его не сделаете конкурентоспособным?

Говоря о конкуренции в каждой из сфер экономики, я думаю, нужно иметь в виду, что конкуренция там очень разная. Какая конкуренция преобладает в сырьевом секторе экономики? Прежде всего, ценовая. Если ты, как производитель какого-то сырьевого продукта, укладываешься в цену, которая существует на рынке, получаешь нормальную прибыль, «отстёгиваешь» налоги государству – ты конкурентоспособен. Качество этой продукции определяется природой. Чуть лучше, хуже нефть по качеству – это не важно. Современная переработка любую нефть умеет перерабатывать, любую нефть купит. Вопрос исключительно в издержках, и как они соотносятся с ценами. Другое дело – обрабатывающий сектор. Здесь, наряду с ценовой, присутствует технологическая конкуренция, причём

она играет более серьезную роль, чем чисто ценовая. Здесь мало того, что нужно уметь производить что-либо, востребованное рынком, с приемлемым уровнем издержек. Прежде всего нужно вообще что-либо уметь производить. Нужно обладать некоторым технологическим базисом, то есть набором технологий. И вот мы этим технологическим базисом сегодня не обладаем. Мы не обладаем всем необходимым набором технологий, чтобы успешно развивать обрабатывающий сектор. Этот набор у нас есть в фрагментарном виде. Если взять сектор в целом, мы можем строить ракеты, с этим все в порядке. То есть он фрагментарен в масштабах сектора, и он фрагментарен в масштабах каждой отрасли, входящей в этот сектор.

Я думаю, ни у кого нет готовых рецептов: что же делать? И в то же время, какие-то практические рецепты есть едва ли не у каждого из нас. Мне кажется, что переход нашей экономики к несырьевой возможен, но я не думаю, что это может произойти в исторически короткие сроки. Что-то будет делаться «по крупинкам» каждый год, вероятно. Что-то будет добавляться – при условии, что это будет делаться каким-то целеустремленным образом. Рынок автоматически тут не сработает, хотя что-то возможно создать и на основе рыночных механизмов. Нужны целенаправленные усилия со стороны государства, со стороны формирования общественного мнения, которое будет к этому подталкивать. Может быть, и путём изменения самого государства. Я просто не вижу другого пути.

И самое главное, я хочу выразить согласие с тем, что сказал Рифат Ахмедович: не существует двух одинаковых экономик, двух одинаковых стран. Не существует подобных тождеств. Мы никогда не будем

жить по-американски, по-французски и так далее. И на мой взгляд, очень важно сейчас отказаться от обычного для нас подхода, когда мы какие-то меры, свои планы, решения уподобляем тому, что есть *там*. Вот мы формируем топливно-энергетический баланс и... – первым делом смотрим на структуру топливно-энергетического баланса Западной Европы: а как там у них выглядит соотношение между газом, нефтью, углем, атомной энергетикой. Мы думаем о том, по какой иностранной модели выстраивать цены на энергоносители у себя в стране. Что в Западной Европе творится? У них вон какие цены, какие налоги. Поэтому они рационально используют энергоресурсы. Значит, и нам надо повышать цены на нефть, на газ, на нефтепродукты, и тем самым стимулировать энергосбережение. Но при этом мы забываем: для того, чтобы таким образом простимулировать энергосбережение, которое чисто технологическим является, надо этими технологиями обладать. Надо сперва кучу денег вложить, чтобы эти технологии внедрить. За то время, которое потребуется на внедрение энергосберегающих технологий, наши потребители благополучно помрут. Вот пока мы не уйдём от этих стереотипов сопоставления, прямого переноса, копирования – не важно, европейского, китайского... – мы далеко не продвинемся. Чужой опыт нужно изучать и использовать, но нельзя копировать и принимать за истину в конечной инстанции.

С.П. Исаков. Мне кажется, многие выступавшие причину неудач инновационного развития видят в субъективных факторах: отсутствии (неверности) стратегии развития страны, неправильном (или даже криминальном) распределении ресурсов и т.п. Акцент делается на том, что надо *правильно* решить,

что именно и как развивать, вложить достаточно денег и проследить, чтобы их не украли. И тогда всё получится. Однако это необходимое, но недостаточное условие, и неудачи слишком многих реформ и проектов тому подтверждение. Не всё, далеко не всё, что представляется разумным, правильным и эффективным, может быть реально воплощено в жизнь. *Реальный* выбор стратегий гораздо *уже*, явные и неявные ограничения *и их сочетания* делают многие эффективные (и проверенные в других странах!) решения объективно невозможными в условиях современной России.

Конечно, учет этих объективных условий, поиск ограничений – весьма трудная задача. Плохо то, что очень часто она вообще не ставится. Придуманное или вычитанное в учебнике решение просто пытаются *внедрить*, а при неудаче винят народ, власть, «мировую закулису» и т.д. – но само решение сомнению не подвергается.

Н.И. Суслов. Времени у нас осталось мало, и я постараюсь в завершение высказаться покороче. Наше обсуждение, на мой взгляд, заставляет оглянуться и вспомнить спор между славянофилами и западниками. Одни утверждали, что Россия есть особая статья, совершенно непохожая на другие страны, другие, что, наоборот, это такая же часть мира, как и любое другое государство. Вопрос сводится к тому, должны ли мы учиться у более успешных стран, и если да, то до какой степени следует доверять «ихнему» опыту? Или не принимать во внимание чужую историю совсем и идти своим чисто национальным путем? Я, вообще-то, думаю, что истина где-то посередине: следует учиться, но к перенимаемым моделям относиться критически, отмеряя прежде семь раз. Всё же мне показалось, что наша сегодняш-

няя дискуссия идёт как-то изнутри, то есть говорим мы о России вне какого-либо внешнего обрамления. Но наша страна – все-таки часть мира – 1/7 по территории и лишь чуть более 2 % населения мира. И другие страны на нашей тесной планете сталкивались с похожими проблемами, как мы сейчас. Многие находили хорошие решения. Если взглянуть на чужой позитивный опыт, то становится понятными, по крайней мере, две вещи. Во-первых, следует продолжить реформы, в первую очередь нацелив их на улучшение защиты прав собственности в частном секторе. Только это может обеспечить усиление экономических стимулов к инвестированию. Очень важно при этом усилить и кредитные институты. Во-вторых, государство должно стать более последовательным проводником структурных реформ, используя средства промышленной и внешнеторговой политики.

Очень важным условием развития в долгосрочной перспективе является формирование гражданского общества, которое, на мой взгляд, только и может эффективно противостоять бюрократическому произволу. Владимир Яковлевич рассказал нам очень важную вещь – о том, что, к примеру, у нас в Новосибирске начало здесь уже положено. Без гражданского общества не может быть демократии, почему ее и не появилось в России на данном витке «спирали развития». Без общественного контроля не будет нормальной честной конкуренции, не будет и стабильного роста.

Р.А. Гусейнов. Китай развивается и без гражданского общества.

Н.И. Суслов. В короткий период это возможно. Думаю, Китай еще столкнется с проблемами общественного контроля.

Г.И. Ханин. А в Кувейте – гражданское общество? А в Брунее?

Н.И. Сулов. В европейском смысле, наверное, нет. Впрочем, не знаю. Но абсолютизм тоже может контролировать бюрократию. В Кувейте система близка к абсолютной монархии. Полагаю, ни Бруней, ни Кувейт нам не пример.

Теперь, по поводу модернизации. Недавно я присутствовал на одной конференции, посвященной проблемам развития в период после кризиса. Там бурно обсуждалась одна очень интересная вещь – так называемая «инновационная пауза», в которую, возможно, сейчас попадают именно технологически передовые страны. Есть основания считать, что те технологии, на которых основывался мировой экономический рост в последние 25–30 лет – они называются базовыми технологиями – исчерпали свои возможности. Это – информационные, компьютерные технологии, телекоммуникации, обеспечиваемые процессорами. Основной рост в развитых странах происходил благодаря их все большему распространению и совершенствованию. Этим, по сути, объясняется мировой финансовый кризис. Если коротко: ресурс закончился, а ожидания быстрого роста остались, что и привело к надуванию «пузыря», который лопнул. Инновационная пауза и состоит в том, что новых базовых технологий – на замену утративших свое значение – пока нет. Что это может быть? Может быть – нанотехнологии, но до их серьезного промышленного освоения ещё даже на Западе надо ждать лет 10–15. Другими словами, западный мир, если встать на эту точку зрения, обречён на стагнацию на ближайшие 10–15 лет, и не сможет помочь России, увеличивая спрос на энергоресурсы, металлы и другие продукты российского экспорта. В чём выход? Рос-

сия должна встать на путь модернизации, что означает не столько создание технологий, сколько их копирование, заимствование в более продвинутых странах. Это и есть путь догоняющего развития.

Г.И. Ханин. Копировать технические образцы?

– Да! Но для этого, – я уже наговорил тут сегодня много всяких терминов, скажу еще один, – нужно повысить абсорбционную способность экономики. Абсорбционная способность есть способность к усвоению новшеств, т.е., если грубо, способность предъявлять спрос на инновации. Это можно сделать и за счет усиления рыночных стимулов, но и государство может и должно помогать внедрению новых технологий, например, сотрудничая с ассоциациями производителей. Государство, указывая приоритеты к развитию, иницилируя проекты, может «создавать сигнал» для частных инвесторов, где оно будет помогать, используя имеющиеся у него средства экономической политики.

В заключение я хотел бы высказать свои соображения о том, что говорил Гирш Ицкович. Такой взгляд на российское общество мне не очень понятен, и представляется не достаточно аргументированным. Возможно, я не прав, возможно, выражаюсь излишне резко, но как я понял ваши публикации, включая и изданную книгу по экономической истории СССР: в России ничего, кроме жесткой централизованной системы, работать не может, поскольку здесь живут одни жулики и лентяи, сами способные произвести только, как было сказано, «уродцев». И если нет на них Сталина, они всё разворуют, а потом, естественно погибнут. Значит, в России нужен царь, герой, вождь, который возьмет страну в железный кулак. Однако давайте взглянем на наш

же опыт, не говоря уже о его научном осмыслении. Административно-командная система не создает экономических стимулов ни для управленцев, ни для работников. Чтобы она хоть как-то функционировала, необходима неотвратимость 58 статьи. Проще говоря, для поддержания дисциплины нужно за спинами поставить пулемет и проводить превентивные расстрелы. Не слишком ли большая цена – гибель миллионов людей – за индустриализацию, к тому же всецело направленную на вооружение? Как только пулемет убрали – при Хрущеве – всё стало разваливаться. Мне кажется, ваша точка зрения отражает ваше эмоциональное мнение, но недостаточно аргументирована с научной точки зрения: во всяком случае, я не вижу анализа современной научной литературы по затрагиваемым проблемам.

Р.А. Гусейнов. Природа не делает скачков.

– Правильно делает, между прочим. Хотя, по Дарвину, бывают скачки.

О.А. Донских. С Дарвином там сложнее... Но ароморфоз он так и не сумел объяснить, между прочим. Пожалуйста, Гирш Ицкович.

Г.И. Ханин. Очень коротко. Никите Ивановичу: он представляет меня как Змея Горыныча. Евреи всегда только и думали, как извести русский народ. Я хочу сказать, что я был бы очень рад эволюционной мягкой модернизации. Я думаю, что я от тоталитарных систем, авторитарных, страдал даже больше, чем Никита Иванович, поэтому оснований для тоски по ним у меня быть не должно. Но вот история говорит, что, к сожалению, не получается у нас так. Вот то, что я знаю, три с половиной века, и то, что Рифат знает – не

вселяет оптимизма. Может быть, в будущем случится, но я не вижу пока, как.

Я хочу сказать, что выступление товарища Карпова, оно как будто меня обрадовало.

С.Г. Золотаренко. Обрадовало или «как будто»?

– Я в том смысле, что обрадовало. Я просто не мог себе представить, что у нас могут создаться такие конструктивные и жизнеспособные общественные структуры. Надо сказать, что коммунистическая партия – единственная партия в стране, о которой можно серьезно говорить. У нас просто больше партий нет. Но она тоже не показала себя очень хорошо, после 91 года. И вот теперь надумали создать такое объединение. Я-то первый раз о нем слышу. Но где результат? Вот покажите! Создали они семьдесят структур, объединились. Я живу в Академгородке, я читаю газеты, я хожу на улицы, читаю объявления и я хочу увидеть вас. Когда-то коммунисты были видны, они клеили листовки, они устраивали демонстрации, бузили. Теперь коммунисты такие спокойные и мирные! И вот это объединение, замечательно. Вот тоже если бы как-то получилась общественная жизнь, то надежда была бы. Но вы покажите, что вы что-то сумели сделать. Вы схватили за шкирку нашу власть, понимаете, потрясли её как следует, чтобы у неё руки ноги затряслись. Ох, я бы сказал, наконец у нас появились общественные идеи, общественные структуры! А потом вы бы завоевали большинство в Государственной Думе.

– Провоцируете! (общий смех)

– А что значит «провоцируете», для чего нужно общественное движение, как не для того чтобы воевать с властью!

Р.А. Гусейнов Мне почему-то кажется, что оппозиционные партии и псевдооппо-

зиционные, никакой власти брать не хотят. Они все – люди с нормальной психикой и знают тот объём проблем, который надо разрешать и связанные с этим задачи. И думают: а зачем нам всё это? Не лучше ли быть в оппозиции?

С.Г. Золотаренко. Их всё устраивает.

Р.А. Гусейнов. Да! Я не знаю, компания, которая здесь собралась, являемся мы оппозиционной силой или нет, судя по выступлениям, критическим настроениям, мы здесь все оппозиционеры, но я скажу, что ожидать от наших выступлений и собеседований изменений даже маленьких не следует. Если дамы извинят меня, наше отношение очень похоже на онанизм. Мы для себя удовольствие получаем, никого не удовлетворяем всё равно. Экономисты собираются, друг дружке рассказывают одно и то же годами. А толку! Есть такой журнал, может быть, вы слышали, «Философия хозяйства». Он выходит в МГУ, я там тоже часто публикуюсь, 21-го мы там снова собираемся, там будет чуть больше народу. Мы опять друг с другом поговорим, власть поругаем и разойдемся тихонько.

Н.И. Суслов. А какая альтернатива?

Р.А. Гусейнов. Сейчас я скажу, молодец, Никита Иванович! До чего же это всё-таки приятно видеть столько умных, образованных, симпатичных людей, особенно наших дам.

Вопросы по теме круглого стола были также разосланы некоторым членам редакционного совета, которые прислали ответы.

А.В. Алексеев; Б.Л. Лавровский, д.э.н., профессор.

Что такое сырьевая экономика – добыча или переработка? Опыт разных стран. Сырьевая эко-

номика – это экономика, в которой ни национальному, ни иностранному капиталу никакие иные сферы деятельности, кроме добычи сырья и минимально необходимой для этого инфраструктуры, не интересны. Создание перерабатывающих производств, с точки зрения данного подхода, конечно, представляется большим шагом вперед. Правда, зачастую именно представляется, а не является таковым на самом деле. Действительно, если перерабатывающие производства создаются у места добычи сырья только потому, что экологическое законодательство данной страны либо вообще отсутствует, либо существенно менее жестко, чем в более развитых странах, то экономика данной страны все равно остается по сути своей сырьевой. Если же при переработке сырья действуют примерно те же экологические стандарты, что и в развитых странах, – это уже явный признак того, что национальная экономика вырастает из «коротких штаншек» сырьевой экономики. Действительно, чтобы соответствовать современным экологическим стандартам приходится применять современные, как правило, капиталоемкие, технологии. А это – конституирующий признак развитой экономики.

Выгодно или не выгодно экспортировать энергоносители? Все зависит от того, как распорядиться этим богатством. Конечно, когда себестоимость барреля нефти 8-10-12 долларов, а продаете его за 80 долларов (в недавнем прошлом и много больше), это весьма выгодно. Но «цена» «выгоды» высока. Если рента присваивается элитой, то элите очень скоро ничего кроме как продолжения качания этой нефти становится не надо. В лучшем случае для общества это означает застой, в реальности – скорее разложение.

Если рента распределяется среди членов общества более или менее справедливо, результат, как ни странно, примерно тот

же. Действительно, положим, вы получаете \$1000 ренты только за то, что вам посчастливилось родиться в стране, где есть нефть. Можете заработать еще \$500, если займетесь каким-нибудь общественно полезным трудом. С уверенностью можно утверждать, что значительная часть граждан пожертвует \$500 и вполне удовлетворится причитающейся им рентой.

Когда же нефть кончится или по каким-то причинам исчезнет рента («все проходит...»), общество, переживая шок, сначала наполовину уничтожит само себя, а потом с «изумлением» обнаружит, что оно находится не в постиндустриальной, а в доиндустриальной экономике. Выжившие, наверное, согласятся с тем, что чем просто проедать природные ресурсы, лучше было вовремя озаботиться созданием нормальной экономики.

Почему арабы живут лучше? Арабы арабам рознь. В Ираке, с его огромными запасами нефти, точно не лучше. Да и в Иране, похоже, тоже не сильно здорово. В Саудовской Аравии, ОАЭ и др. – своих граждан мало, нефти много. Это уже искусство, чтобы в таких условиях плохо жить (мы бы, впрочем, наверное, с этой проблемой как раз справились).

Справедлив ли тезис, что все наши беды от нашего богатства? Нет. Беды от состояния головы. Если с головой проблемы, во-первых, богатство не поможет, во-вторых, все равно скоро исчезнет. Голова лечится через образование. Судя по результатам, с образованием у нас пока не очень...

Может быть, в современном мире выгоднее жить без первичных ресурсов? Если уровень общественного сознания примерно соответствует раннему индустриальному периоду, действительно, лучше жить без природных ресурсов. Жизнь ЗАСТАВИТ вести себя правильно. Для более развитого общества,

способного принимать решения не только после очередного удара палки («жизнь заставит»), а на основе сознательного выбора и с принятием на себя ответственности за этот выбор, ресурсы лучше все же иметь. Ресурсы – это возможности, которые можно использовать как во благо (получить качественное образование, хорошее здравоохранение, создать современную экономику...), так и во вред (пытаться создавать какие-то химеры, учить, как надо жить тех, кто уже живет лучше, и т.п.).

Возможен ли инновационный прорыв в обществе, где реализуется наша модель экономики? Инновационный прорыв (точнее, постоянное инновационное обновление всех сторон общественной и экономической жизни) возможен лишь при правильном взаимодействии бизнеса и власти. С учетом традиционно сильных удушающих объятий бизнеса нашей властью, на бизнес в обозримом будущем всерьез рассчитывать не приходится.

Может ли власть в одиночку осуществить инновационный прорыв? Не так хорошо как вместе с бизнесом, но, наверное, может. Проблема в том, что она может это сделать только в жестком режиме. Например, через принятие соответствующих регламентов. Так, если власть заявит, что, например, после 2012 г. реализация бензина, не соответствующего стандарту Евро-4, на территории РФ будет запрещена, нефтяные компании модернизируют старые и построят новые нефтеперерабатывающие заводы. Не заявит, или заявит, но ей не поверят – так и будем пользоваться технологиями «молодого» Советского Союза.

Нельзя забывать и о том, что у нас социальное государство. А это – мощная «машина» по преобразованию бизнеса в собес. Но как только бизнес и собес смешиваются, плохо получается и то, и другое.

Государство, если оно не диктаторское, подобные проблемы решает плохо. Нужна «отмашка» общества на осуществление модернизации. А этого как раз нет. Как говорил еще Дж. Стейнбек, «По самой своей природе человек, чем старше он становится, тем больше противится переменам, особенно переменам к лучшему». В общем, пока у нас есть нефть, есть и соблазн подождать с переменами. Это опасно.

Н.С. Розов, д-р филос. наук, проф.

Что такое сырьевая экономика – добыча или переработка? Опыт разных стран.

Обычно под сырьевой экономикой имеют в виду только добычу и экспорт сырья, либо когда эти направления доминируют. Страны, обрабатывающие свое, тем более чужое, сырье (как Сингапур) – всегда имеют развитую индустриальную экономику. США и добывают и перерабатывают немалое количество нефти, но что-то я не слышал, чтобы американскую экономику кто-то называл сырьевой.

Выгодно или не выгодно экспортировать энергоносители? Для властных и экономических элит, получающих от экспорта основной доход – всегда выгодно. Для остального общества, для страны – поразному. Если это компрадорские элиты, тратят свои сверхдоходы на личное потребление, строят дворцы, покупают суперяхты и прочее, то остальная страна вполне может деградировать (Венесуэла, Саудовская Аравия и в немалой степени – Россия). Если же доходы инвестируются в образование, науку, инфраструктуру, разумные экономические стратегии, то страна и общество процветают, как в Норвегии и Эмиратах, и элиты там не обижены, но пользуются почтением, а не вызывают зависть и ненависть.

Почему арабы живут лучше? Не все, см. выше. Есть большое разнообразие в качестве институтов и экономической политики разных арабских (и шире – мусульманских) стран. На одном полюсе ОАЭ и Кувейт, на другом – Саудия, Ирак при Саддаме, возможно Иран при шахе (иначе не было бы революции 1979 г.). Нынешний Иран, вероятно, где-то посередине, т.е. Исламская революция была отчасти и демократической.

Справедлив ли тезис, что все наши беды от нашего богатства? Может быть, в современном мире выгоднее жить без первичных ресурсов? То, что не все беды – очевидно. Гораздо больше бед от традиционной «русской власти» с ее безответственностью и отношением к стране и народу в лучшем случае как наследной вотчине, а нередко вовсе как к оккупированной территории. См. об этом: Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «русской власти»: от метафор – к концепции // *Полис*, 2007, 3, с. 8–23. Жить без природных ресурсов трудно, можно и не выжить, либо долго оставаться в углой нищете, как некоторые страны в Центральной Африке и Южной Америке. Но если есть трудолюбие, энергия народа, организованность и ответственность элит, то путем большого напряжения таким странам удастся выйти на первые места в мире: таковы практически лишённые значимых природных ресурсов Япония, Сингапур, Тайвань, Южная Корея.

Возможен ли инновационный прорыв в обществе, где реализуется наша модель экономики? Невозможен. А вот как преобразовать экономические и политические институты – это самостоятельная большая тема. Детально эти вопросы я разбираю в своей книге, которая, надеюсь, выйдет в свет в этом году: «Колея и перевал: макросоциологическое основание стратегий России в XXI веке».

От редакции

В этом номере журнала в разделе *Disputatio* печатаются две статьи, которые несомненно вызовут интерес тех, кто неравнодушен к современной политической и культурной ситуации. Статья В.Я. Плоткина продолжает обсуждение темы «Первая мировая война как культурная катастрофа» (см. «Идеи и идеалы» № 3, т.1). Он рассматривает такие аспекты этой темы, которые обычно остаются в тени, либо вообще не затрагиваются. Например, это вопрос о вине народов, которые могут поддерживать или не поддерживать свои правительства. Или вопрос, нужно ли говорить о двух мировых войнах или речь должна идти о двух этапах одной войны – европейском и мировом.

Статья В.П. Дятлова поднимает жгучий вопрос о ксенофобии. Двадцатый век начинался под фанфары панмонголизма. В.С. Соловьев в 1894 году писал: О Русь! забудь былую славу: / Орел двухглавый сокрушен, / И желтым детям на забаву / Даны клочки твоих знамен. Двадцать первый век начинается с призрака исламской опасности, воплощенного в Бен Ладене – человеке, с которым безуспешно борется самое могущественное государство мира. И это на фоне юдофобства, тянущегося еще с античности, но периодически переживающего страшные приступы, вроде тех, которые наблюдались во время Крестовых походов или – уже в XX веке – дела врачей. Не говоря о Холокосте.

Ксенофобия сидит где-то очень глубоко в коллективном сознании. Была «единая историческая общность» - великий советский народ. Но после перестройки оказалось, что это миф и что эта общность состоит из отдельных национальных групп, подчас ненавидящих друг друга. Конечно, за этим стоят политики, но если бы лишь они манипулировали ксенофобскими настроениями, это было бы слишком просто. Они опираются при этом на определенные настроения, латентно или открыто живущие в обществе.

Социологи Центра Юрия Левады выясняли отношение к лозунгу «Россия для русских». Оказалось, эта мысль близка очень многим россиянам. 37 % опрошенных считают, что данную идею «было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах». А 17 % поддерживают эту идею безоговорочно. Понимают ли они, что поддерживают? (Когда в Грузии провозглашают «Грузия – для грузин!», нам сразу не нравится, потому что становится обидно за лезгин и осетин, но это к слову. А если представить себе лозунг «Украина для украинцев!»?..) К нам в страну едут люди, которым на их родине хуже. Они готовы работать за минимальную зарплату и жить в отвратительных условиях. Они часто плохо говорят по-русски. Они нам не нравятся, но они нас устраивают, когда выполняют тяжелую и черную работу. К этому мы относимся снисходительно. Мы утешаем себя рассуждениями, что им и пары-тройки тысяч в месяц хватает, потому что у них «там» и этого нет. Сразу интересно, как в нас исчезает чувство равенства. Что-то для нас, а что-то для «них» ... Им и этого хватает. А ведь такое сознание, в общем, очень подлое. Здесь питательная почва для будущей ксенофобии.

Эту проблему нельзя загонять на периферию общественного сознания, потому что когда она проявится в полной мере может быть поздно.